

КЭТРИН АРНОЛЬД, исторический журналист

ХРОНИКИ ИСПАНКИ

18+

взгляд
спустя
100 лет

ОШЕЛОМЛЯЮЩЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
САМОЙ СМЕРТОНОСНОЙ ЭПИДЕМИИ ГРИППА,
УНЕСШЕЙ 100 МИЛЛИОНОВ ЖИЗНЕЙ

Как это было? Медицинские открытия, исторические факты, роковые совпадения и неожиданные закономерности

Кэтрин Арнольд

**Хроники испанки. Ошеломляющее
исследование самой смертоносной
эпидемии гриппа, унесшей
100 миллионов жизней**

«ЭКСМО»

2018

УДК 616.9:94(100)"19"

ББК 55.1:63.3(0)4

Арнольд К.

Хроники испанки. Ошеломляющее исследование самой смертоносной эпидемии гриппа, унесшей 100 миллионов жизней / К. Арнольд — «Эксмо», 2018 — (Как это было? Медицинские открытия, исторические факты, роковые совпадения и неожиданные закономерности)

ISBN 978-5-04-117946-5

Испанский грипп вызвал в воображении призрак Черной смерти 1348 года и великой чумы 1665 года, в то время, когда медицина не имела ресурсов, чтобы сдержать и победить этого нового врага. Историк Кэтрин Арнольд из первоисточников и архивных источников дает читателям первый по-настоящему глобальный отчет об ужасной эпидемии. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 616.9:94(100)"19"

ББК 55.1:63.3(0)4

ISBN 978-5-04-117946-5

© Арнольд К., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Отзывы о книге Кэтрин Арнольд	6
Об авторе	8
Введение	9
Глава первая	18
Глава вторая	24
Глава третья	29
Глава четвертая	35
Глава пятая	40
Глава шестая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кэтрин Арнольд

Хроники испанки: ошеломляющее исследование самой смертоносной эпидемии гриппа, унесшей 100 миллионов жизней

*Это было началом падения цивилизации, гибели человечества¹.
Г. Дж. Уэллс. Война миров*

*Капитан вдруг показался очень уставшим. «Иногда мне кажется, мистер Бенсон, что сам воздух отравлен этим проклятым гриппом. Вот уже четыре года миллионы гниющих трупов покрывают добрую часть Европы от Ла-Манша до Аравии. Мы не можем убежать от него, даже когда находимся на расстоянии 2000 миль в море. Кажется, он пришел так же, как темный и невидимый туман в наш последний рейс».
Герберт Фолкнер Уэст, «ВМС Кефалинии – История Северной Атлантики в 1918 году» («H.M.S. Cephalonia – A Story Of The North Atlantic In 1918»)*

Лети в это чумное место! Жаркий, зловонный воздух пропитан чумой – в магазинах и на дорогах, когда-то полных жизни, тихо, как в кладбищенском склепе.

Ошеломленная и содрогаящаяся природа затаила дыхание в малодушном страхе и чувствует в своем сильном сердце смертоносные клыки смерти.

Сюзанна Муди. Наше путешествие по стране

PANDEMIC 1918: THE STORY OF THE DEADLIEST INFLUENZA IN HISTORY by
Catharine Arnold

First published in Great Britain in 2018 by Michael O'Mara Books Limited
9 Lion Yard
Tremadoc Road
London SW4 7NQ

Copyright © Catharine Arnold 2018

© Шустова А. П., перевод, 2020
© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Отзывы о книге Кэтрин Арнольд

Некрополь (Necropolis)

«Глубоко удовлетворяющее... развлечение самого яркого и изысканного вида... Бедкер² для мертвых».

Питер Акройд, The Times

«Блестящая и часто трогательная... хорошо проработанная и изящно написанная книга».

Sunday Telegraph

«Пронзительные или драматические фигуры заполняют эти страницы. Книга Арнольд изобилует восхитительно жуткими подробностями».

Сьюзи Фей, Independent on Sunday

«Эlegantная прогулка по стране мертвых».

Джад Адамс, Guardian

«Рассказ Арнольд о смерти в Лондоне поочередно завораживает, сводит желудок и пронзает душу».

Independent

«В чем рассказ Арнольд действительно очаровывает, так это в его эксцентричных социальных деталях. Восторженных, добродушных и просто очаровательных».

Синклер Маккей, Daily Telegraph

Бедлам (Bedlam)

«Изящно написана и богата реальными историями».

Daily Mail

«Когда вы прочитаете эту полезную, информативную и со вкусом задуманную книгу, вы станете богаче».

Sunday Express

«Прекрасно написанная, основанная на тщательных исследованиях и гуманная книга, наполненная трогательными историями».

Independent

«Блестящая новая история обращения столицы с душевнобольными».

Time Out

² Карл Бедкер – немецкий издатель, основал в 1827 году в Кобленце издательство путеводителей по разным городам и странам. – Прим. пер.

Город греха (City of Sin)

«Чрезвычайно занимательно... Арнольд – восхитительный спутник в путешествии сквозь века».

Джанетт Уинтерсон, The Times

«Арнольд четко организует это грандиозное исследование».

Evening Standard

«Часто волнующая, иногда шокирующая, занимательная... книга – живое подтверждение сексуального желания во всех его проявлениях».

Observer

Преступный мир Лондона (Underworld London)

«[Кэтрин Арнольд] поддерживает свои обычные высокие стандарты... никогда не отступая от ужасных фактов».

Press Association

«Кэтрин Арнольд собрала историю британских преступлений, чтобы в жилах читателя застыла кровь, и чтобы пощекотать ему нервы».

Mail on Sunday

«У Арнольд легкая рука, когда речь заходит о темных темах».

Sunday Telegraph

Об авторе

Кэтрин Арнольд – автор ряда широко известных произведений, включая «Некрополь: Лондон и его мертвецы» (*Necropolis: London and its Dead*), «Бедлам: Лондон и его безумие» (*Bedlam: London and its Mad*), «Город греха: Лондон и его пороки» (*City of Sin: London and its Vices*) и «Глобус: жизнь в Лондоне Шекспира» (*Globe: Life in Shakespeare's London*). Ее первый роман «Потерянное время» (*Lost Time*) выиграл премию Бетти Траск. Кэтрин получила степень по английской литературе в Кембриджском университете и дополнительную степень по психологии.

Введение

Больной ветер

Посвящается памяти моих бабушки и дедушки Обри Глэдвина и Лалэйдж Бэгли Глэдвин, а также миллионов таких же, как они, погибших во время пандемии испанского гриппа 1918–1919 годов

В сентябре 2008 года, когда солнце садилось над продуваемым всеми ветрами йоркширским кладбищем, свинцовый гроб был опущен в землю, спустя несколько часов после того, как его открыли впервые за восемьдесят девять лет. Знакомые слова похоронной службы звучали в сумерках, в то время как образцы человеческих тканей замораживали в жидком азоте и перевозили в лабораторию, чтобы спасти миллионы жизней [1]. Медицинские исследователи эксгумировали тело сэра Марка Сайкса (1879–1919), чтобы идентифицировать разрушительный вирус испанского гриппа, который убил 100 миллионов человек в последний год Первой мировой войны. Сэр Марк Сайкс, британский дипломат, умер от испанского гриппа во время Парижской мирной конференции 1919 года в своем отеле рядом с садами Тюильри. Как и многие жертвы испанского гриппа, он был крепким и здоровым мужчиной в расцвете сил – тогда ему было всего тридцать девять лет.

Останки сэра Сайкса были захоронены в свинцовом гробу, что соответствовало его статусу дворянина, и перевезены в Следмер-Хаус, фамильное поместье семьи в Восточном Йоркшире. Он был погребен на кладбище церкви Святой Марии, которое примыкало к имению. Если бы его тело не было герметично закрыто толстым

11 слоем свинца, его жизнь могла бы спокойно кануть в Лету. Но свинец резко замедлил разложение мягких тканей тела, давая возможность ученым, исследующим вирус птичьего гриппа H5N1, изучить поведение его предшественника. Одна из теорий о причинах эпидемии 1918–1919 годов заключалась в том, что патоген являлся штаммом птичьего вируса H1N1, который похож на H5N1. Исследователи полагали, что останки сэра Сайкса могут содержать ценную информацию о том, как вирус гриппа преодолел видовой барьер между животными и людьми [2].

В 2011 году в мире было всего пять пригодных образцов вируса H1N1, и ни один из них не был получен из хорошо сохранившегося тела в свинцовом гробу. Уже был секвенирован учеными H1N1, выделенный из замороженных останков, найденных на Аляске, но оставалось много вопросов о том, как вирус убивал своих жертв и как он мутировал к 1919 году, когда убил сэра Марка Сайкса [3].

Профессор Джон Оксфорд, выдающийся вирусолог, возглавлявший группу исследователей останков сэра Марка, сказал журналистам, что баронет «умер на позднем этапе эпидемии, когда вирус почти истощил свои силы. Мы хотим понять, как действовал вирус, когда он был наиболее опасен и когда подходил к концу своей циркуляции. Образцы, которые мы взяли у сэра Марка, могут помочь нам ответить на некоторые очень важные вопросы» [4]. Ученые целых два года пытались получить разрешение от епархии Йорка на проведение эксгумации. Этот трудоемкий процесс включал в себя специальное слушание под председательством представителя Верховного суда. После этого ученые из команды профессора Оксфорда, одетые в полный комплект защиты от биологической опасности и сопровождаемые медицинскими экспертами, духовенством, сотрудниками по охране окружающей среды и потомками сэра Марка Сайкса, наконец присутствовали при вскрытии могилы. После короткой молитвы надгробие убрали, и саркофаг был открыт внутри герметичной палатки, прежде чем исследователи в защитных костюмах и респираторах открыли гроб. После стольких месяцев подго-

товки это был напряженный и волнующий момент. Но исследование, похоже, было обречено на провал.

В верхней части свинцовой оболочки была обнаружена трещина, а это означало, что шансы найти неизмененный образец вируса были весьма малы. Гроб раскололся под тяжестью земли, и труп сильно разложился. Тем не менее команда смогла извлечь образцы легочной и мозговой ткани через эту трещину. Причем гроб оставался на месте в могиле во время этого процесса, чтобы не тревожить тело слишком сильно. Хотя состояние трупа было разочаровывающим, исследование образцов тканей, взятых из останков, в конечном итоге выявило ценные генетические следы H1N1 и установило состояние патогена на момент смерти сэра Марка [5].

Эксгумация тела сэра Марка Сайкса представляла собой всего лишь одну попытку найти объяснение смертельной болезни, опустошившей земной шар в последний год Великой войны³. В течение трех последовательных волн, с весны 1918 по лето 1919 года, явление, ставшее известным как испанский грипп, унесло жизни примерно 100 миллионов человек во всем мире. Болезнь не сразу была названа испанским гриппом или более причудливым прозвищем «испанка». Изменяющееся существо – испанский грипп – было скользким зверем, трудно поддающимся определению за исключением общих характеристик сильной дыхательной недостаточности, кровотечений и лихорадки. По мере того как вирус прогрессировал, многие врачи и гражданские лица задавались вопросом, действительно ли эта апокалиптическая болезнь была гриппом.

С точки зрения национальной идентичности в испанском гриппе не было ничего изначально испанского. Поначалу, в первые месяцы 1918 года, большинство врачей полагали, что они имеют дело с чем-то не более серьезным, чем агрессивная вспышка обычного гриппа. Но поскольку эпидемия продолжалась, и король Испании Альфонсо XIII стал жертвой вместе со многими своими подданными, этот опасный штамм вируса гриппа активно обсуждался в испанской прессе.

Дебаты такого рода были возможны, поскольку страна заняла нейтралитет во время Первой мировой войны. В других странах, в Великобритании и Соединенных Штатах, цензура сделала невозможными подобные обсуждения за пределами страниц медицинских журналов, таких как *Lancet* и *British Medical Journal*. По закону «Об обороне Соединенного Королевства» (DORA, Defence of the Realm Act), газетам не разрешалось публиковать материалы, которые могли бы вызвать страх или смятение. Когда в июне 1918 года появился термин «испанский грипп», лондонская *The Times* воспользовалась случаем высмеять эту болезнь как мимолетную причуду. К осени 1918 года, когда смертельная вторая волна испанского гриппа поразила население всего мира, последствия этой болезни оказалось невозможно игнорировать. В Соединенных Штатах было зарегистрировано 550 000 смертей, что в пять раз превышает общее число военных потерь, в то время как в Европе умерло более двух миллионов человек. По оценкам ученых, в Англии и Уэльсе от гриппа и его осложнений, в частности пневмонии, умерло около 200 000 человек, или 49 человек на 10 000 населения.

В июне 1918 г. лондонская *The Times* высмеяла испанский грипп как мимолетную причуду. К осени, когда смертельная вторая волна гриппа поразила население всего мира, последствия болезни стало невозможно игнорировать.

Сегодня, несмотря на регулярные страхи по поводу птичьего гриппа, ОРВИ, ВИЧ и Эболы, трудно представить себе сценарий, в котором что-то столь банальное, как грипп, могло бы вызвать такой уровень заболеваемости и смертности. Хотя большинство из нас за свою жизнь несколько раз болеет гриппом, а вакцинация против него эффективна лишь приблизи-

³ До Второй мировой войны Первую мировую войну называли Великой войной.

тельно на 50 процентов, почти все выживают при минимальной медицинской помощи. Что же тогда было такого особенного в испанском гриппе, и почему он оказал такое разрушительное воздействие?

Чтобы получить некоторое представление об этих особенностях, нам необходимо определить природу гриппа и рассмотреть краткую историю болезни. В общих чертах грипп – это комплексное заболевание, вызываемое вирусом, который передается воздушно-капельным путем и распространяется между людьми в микроскопических каплях через кашель или чихание.

То, что люди находятся в тесных контактах, способствует распространению инфекции, особенно в переполненных общественных местах, таких как школы, военные лагеря и больницы. Во многих случаях школьники первыми подхватывают вирус и затем заражают членов своей семьи [6].

Хотя испанский грипп представлял собой самую смертоносную мутацию вируса гриппа, само по себе заболевание не является чем-то новым. Упоминания о гриппе как недуге восходят к классическим временам, когда Гиппократ стал свидетелем очевидной эпидемии гриппа в Греции в 412 году до н. э., а Тит Ливий зафиксировал подобную вспышку в своей «Истории от основания города»⁴.

Само слово «грипп» появилось примерно в 1500 году, когда итальянцы ввели этот термин для обозначения болезней, которые они приписывали «влиянию» звезд⁵. Другим возможным источником было итальянское выражение *influenza di freddo* – влияние холода [7].

К XV веку болезнь называют в Англии «мюр» или «кайра». По-видимому, она убила двух монахов аббатства в Кентербери, в то время как вспышка *sudor Anglicus*, или английской потливой горячки, была задокументирована после битвы при Босворте в 1485 году [8]. К 1562 году лорд Рэндольф пишет из Эдинбурга лорду Сесилу, описывая симптомы, наблюдаемые у Мэри, королевы Шотландии. Рассказ лорда Рэндольфа будет знаком каждому, кто стал свидетелем вспышки гриппа.

Сразу же по прибытии сюда королева познакомилась с новой болезнью, распространенной в этом городе, называемой здесь «новая знакомая», которая также прошла через весь ее двор, не пощадив ни лордов, ни леди, ни французов, ни англичан. Это настоящий мор, с болями в желудке и сильным кашлем, у некоторых длится долго, а у других быстро проходит.

Королева провела в постели шесть дней. Появилась видимость опасности, но мало кто умирает от этой болезни, за исключением некоторых старых людей [9].

К XVIII веку, «Веку просвещения», дух научного исследования позволил врачам и ученым тщательнее регистрировать эпидемии и строить предположения о природе этой болезни. Когда врачи пришли к пониманию того, что грипп распространяется как инфекция, а не вызывается загрязненным воздухом и туманами, регистрация крупных эпидемий стала важной задачей. Одна особенно опасная вспышка в 1743 году возникла в Италии, и по мере того, как она распространилась по Европе, термин «грипп» стал широко употребим и впервые был использован в печати в *Gentleman's Magazine* в мае 1743 года [10]. Гораций Уолпол, описывая его последствия в письме от 25 марта 1743 года, сообщал, что «ни в одной семье не было меньше пяти-шести больных» [11]. Многие люди были вынуждены нанимать новых рабочих. Гернье, аптекарь, взял двух новых учеников и все же не мог обеспечить лекарствами всех своих пациентов. Следующее поколение стало свидетелем одной из самых страшных вспышек гриппа в истории, описанной Эдвардом Греем в «Отчете об эпидемии простуды» в 1782 году по просьбе Общества содействия медицинским знаниям [12].

⁴ «История от основания города» – основное произведение Тита Ливия, касается истории Древнего Рима.

⁵ Игра слов: *influence* («влияние») и *influenza* («грипп»). – *Прим. пер.*

Первая эпидемия гриппа в XIX веке вспыхнула в Париже, а затем в Англии и Ирландии в 1803 году. К этому времени некоторые врачи уже исследовали процесс передачи инфекции через социальные контакты и возможные преимущества изоляции или карантина. В 1831 году смертельный штамм вируса гриппа распространился по всей Европе, а пневмония стала обычным осложнением. Эта эпидемия протекала в три волны, вторая волна началась в 1833 году, а третья – в 1837 году.

Последняя смертельная волна унесла 3000 жизней только в Дублине и была описана одним лондонским врачом как одно из «самых ужасных бедствий» [13].

В 1847–1848 годах очередная пандемия гриппа унесла в Лондоне еще 5000 жизней сверх обычной смертности от гриппа и была сравнима с холерой. В течение шести недель она распространилась по всей Британии. Многие умерли от пневмонии, бронхита, астмы и других осложнений, ассоциированных с гриппом [14].

Многие врачи, лечившие пациентов во время эпидемии 1918 года, могли вспомнить пандемию гриппа 1889/1890 годов, которая, вероятно, пришла из Южного Китая, но называлась русским гриппом. Русский грипп также поразил Соединенные Штаты, и бедных европейских иммигрантов обвинили в том, что они привезли его в Новый Свет на пароходе [15]. В Америке четверть миллиона человек умерла от русского гриппа, который впоследствии распространился на Японию, Латинскую Америку и Азию. Русский грипп появился в Британии четыре раза между 1889 и 1894 годами, убив около 100 000 человек. После 1894 года, однако, не было никаких других разрушительных эпидемий, пока испанский грипп не атаковал ничего не подозревающий мир в 1918 году. Хотя вирусы гриппа не были изолированы до 1930-х годов, ученые-медики уже пытались понять их природу. Выдающийся вирусолог Джеффри Таубенбергер, ведущий специалист по гриппу, предложил ясное объяснение положения, в котором находились исследователи к 1918 году.

В то время еще не было известно, что грипп вызывается вирусом, хотя в научной и медицинской литературе уже начали признавать существование вирусов. Вирус просто означает «яд» на латыни. Вирус – это не что иное, как набор генов, упакованных в белковую оболочку. Так что вопрос о том, живой это организм или нет, довольно спорный.

Это либо сложное химическое соединение, либо очень простая форма жизни [16].

Ученые, однако, поняли природу бактериологии к 1918 году. Они выращивали образцы предполагаемого бактериального материала в лабораториях, а затем пытались отделить инфекционное вещество с помощью процесса фильтрации. «Они смогли культивировать, идентифицировать и видоизменить большое количество бактерий, – сообщает Таубенбергер [17]. – Они знали их размер и разработали фильтры, которые должны были блокировать проход всех известных бактерий» [18].

Однако ученые обнаружили, что бактерии все еще проникали через фильтры, несмотря на процесс фильтрации, предназначенный для их отделения, а полученная жидкость все еще была инфекционной. «Таким образом, у них возникла мысль, что то, что было носителем инфекции, было химическим веществом, ядом, „вирусом“ и не было организмом [19], – объяснил Таубенбергер. Это было до изобретения электронных микроскопов, а увидеть вирус через световой микроскоп было невозможно, поэтому ученые не могли понять, что он представляет собой на самом деле. Это была просто заразная молекула, которая проскальзывала сквозь фильтры. – Чем бы ни были эти вирусы, инфекционные организмы, агенты, крошечные бактерии или что-то еще, они были настолько малы, что их нельзя было увидеть, нельзя было культивировать, нельзя было отфильтровать. Поэтому они не знали, что грипп – это вирус, они думали, что это бактериальная болезнь» [20].

Таубенбергер описал вирусы в зооморфных терминах как «очень умных маленьких зверьков» [21]. «Лично я считаю вирусы живыми и своего рода моими противниками!» [22] – заявил он в одном интервью. В случае с патогеном, вызвавшим испанский грипп, ученые-медики столкнулись с очень умным «маленьким зверьком».

К январю 1918 года мир все еще находился в тисках Великой войны, общемирового конфликта беспрецедентного масштаба, который привел к гибели 38 миллионов человек. Пока война все еще бушевала, возникла вспышка гриппа H1N1, которая принесла больше жертв, чем сама война, от Европы до Африки, от Тихого до Северного Ледовитого океана, от Индии до Норвегии. От десяти до двадцати процентов инфицированных умерли, то есть треть населения планеты. Считается, что за первые двадцать пять недель эпидемии погибло до 25 миллионов человек. Это привело к тому, что историки назвали испанский грипп величайшим медицинским холокостом в истории, унесшим больше жизней, чем черная смерть. В Индии, по оценкам, погибло 17 миллионов человек, из них 13,88 миллиона – в Британской Индии. В Африке было уничтожено 2 процента всего населения, а в одной только Гане – 100 000 человек. В Танзании погибло 10 процентов населения, а за эпидемией последовал голод, унесший жизни еще тысяч людей. В Соединенных Штатах эта цифра превышала полмиллиона. Учитывая цензуру, отсутствие точных записей и неточные свидетельства о смерти, общая смертность в мире может быть еще выше. По словам профессора Оксфорда, данные из Китая, которые были низкими по сравнению с данными из других частей мира, до сих пор не подтверждены, в то время как и обстоятельства гибели многих военнослужащих были скрыты, чтобы поддержать боевой дух. Но каков бы ни был окончательный итог, нет никаких сомнений в том, что вспышка гриппа 1918 года была одним из самых смертоносных стихийных бедствий в истории человечества.

В 1918 году массовые перемещения войск распространили испанский грипп среди военных. К тому же очереди за военными облигациями⁶, цель которых была привлечь граждан к внесению средств на военные нужды и парады победы в Соединенных Штатах, сеяли грипп среди гражданского населения. В Филадельфии одна из таких кампаний по привлечению средств имела разрушительные последствия и привела к резкому росту смертности в Городе братской любви⁷ [23].

В Британии главы Уайтхолла⁸ неохотно вводили карантинные ограничения на автобусы и трамваи, опасаясь навредить моральному духу [24].

Конец войны не положил конец испанскому гриппу. Когда уровень смертности резко возрос, радостные толпы собрались на Альберт-сквер в Манчестере приветствовать перемирие, невольно приглашая «испанку» присоединиться к ним. Так что вирус-убийца оставался активным вплоть до 1919 года [25].

Самым страшным аспектом испанского гриппа, помимо его быстрой передачи, были его ужасающие симптомы. Для сравнения: при обычном гриппе инкубационный период – от 24 часов и до четырех-пяти дней, прежде чем болезнь становится очевидной. Первые признаки заболевания – головная боль, озноб, сухой кашель, лихорадка, слабость и потеря аппетита. Возникает общая усталость, а у некоторых развивается бронхит и пневмония. Время до полного выздоровления от гриппа может занять несколько недель или больше. Что может сбить с толку, так это то, что, хотя грипп имеет достаточно четкие и узнаваемые клинические симптомы, многие пациенты и некоторые врачи склонны объединять большинство респираторных заболеваний под общим диагнозом «грипп» [26]. Для большинства из нас грипп – это не более

⁶ Военные облигации (bond drives) – кампании по стимулированию американцев покупать казначейские облигации США для финансирования Первой и Второй мировых войн.

⁷ «Братская любовь» – название Филадельфии в переводе с греческого. – *Прим. пер.*

⁸ Уайтхолл (Whitehall) – улица в центре Лондона, название которой стало нарицательным обозначением британского правительства.

чем несколько выходных, таблетки парацетамола и горячие лимонные напитки и лежание на диване.

Но испанский грипп отличается: он гораздо более агрессивен и развивается намного быстрее. Во время разрушительной второй волны эпидемии, начавшейся летом 1918 года, жертвы падали на улицах, истекая кровью из легких и носа. Их кожа становилась темно-синей, то есть начинался цианоз, вызванный кислородной недостаточностью, их легкие наполнялись жидкостью, и они задыхались от кислородного голодания, как выброшенные на берег рыбы. Те, кто умер быстро, были счастливчиками. Другие страдали от частой рвоты и ужасной диареи и умирали в бреду, потому что их мозг был лишен кислорода. Те, кто выздоравливал, часто всю жизнь страдали нервными расстройствами, проблемами с сердцем, летаргией и депрессией. Врачи и медсестры героически трудились, ухаживая за больными, часто заболевая сами. Доктор Бэзил Худ, главврач лондонской больницы Сент-Марилебон, оставил ужасный отчет о состоянии дел в своей клинике, в котором он описывал ее как «самое печальное событие в моей профессиональной жизни» [27]. На Западном фронте медсестрам в дополнение к лечению боевых ранений приходилось справляться с бесконечным потоком трупов, темно-синих и разлагающихся в течение нескольких часов после смерти [28].

На поле боя и союзники, и немцы понесли огромные потери. Из 100 000 жертв среди американских военных 40 000 военнослужащих умерли от испанского гриппа. По мере того как передвижение войск рассеивало грипп по всем уголкам земного шара, «испанка» путешествовала вместе с невинными рядовыми из Соединенных Штатов во Францию. В одном из таких путешествий на обреченном на гибель американском корабле «Левиафан» в сентябре 1918 года девяносто шесть человек умерли от испанского гриппа в адских условиях, а десятки других погибли, как только сошли на берег [29].

Гражданская жизнь была ничуть не лучше: целые семьи гибли в своих домах. Младенцы умирали от голода, пока их родители беспомощно лежали в своих постелях. Безумцы убивали своих детей, уверенные, что их отпрыски будут голодать без них. В Южной Африке тела убитых и умирающих шахтеров сбрасывали с поездов и оставляли на обочине [30]. В Нью-Йорке 600 детей оказались в детских домах. По всему земному шару многие города превратились в города-призраки, потому что жизнь в них остановилась. В Вашингтоне и Кейптауне у гробовщиков закончились гробы. А в Филадельфии нехватка места для захоронения привела к тому, что городской совет вынужден был рыть братские могилы паровыми экскаваторами [31]. Когда призрак «испанки» вызвал в воображении образы черной смерти 1348 года, великой чумы 1665 года, и ужасных вспышек холеры и тифа, опустошивших Европу в 1840-х годах, некоторые предположили, что это вовсе не грипп, а сама чума, и опасались, что человечество будет уничтожено. Как отмечал в 1918 году американский эпидемиолог доктор Виктор К. Воан, врачи того времени «знали о гриппе не больше, чем флорентийцы XIV века знали о черной смерти» [32].

Бойцы и гражданские лица по обе стороны баррикад теперь обнаружили, что смерть стала новым врагом. По мере того как отдельные вспышки болезни складывались в ужасную картину пандемии, мир реагировал так, как будто находился во власти какого-то инопланетного вторжения. Испанский грипп стал напоминать классический научно-фантастический роман «Война миров» Герберта Уэллса.

Еще одной тревожной особенностью испанского гриппа был возраст заболевших. Как правило, именно дети, пожилые люди и люди с ослабленной иммунной системой наиболее подвержены риску умереть от гриппа. Но большинство жертв эпидемии испанского гриппа были здоровыми молодыми мужчинами и женщинами, умершими в самом расцвете сил. Беременные были особенно уязвимы. Испанский грипп убивал их, как и молодых матерей и их детей. В Массачусетсе одна акушерка помогла молодой женщине родить недоношенного ребенка, но через несколько часов оба умерли [33].

Между весной 1918 и летом 1919 года «испанка» продолжала свой танец смерти, нападая без предупреждения и, казалось бы, наугад. Как в фильме-катастрофе, никто не мог сказать, кто из актеров будет жить или умрет. Среди тех, кто выжил, был Франклин Д. Рузвельт, прибывший в Нью-Йорк после рокового путешествия на «несчастливом» корабле под названием «Левиафан» [34].

Британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж также едва не погиб от гриппа. А его смерть вызвала бы потерю боевого духа среди союзников [35]. Считалось, что Махатма Ганди не выживет, а кайзер Вильгельм страдал вместе со своими подданными. Великий американский писатель Джон Стейнбек выздоровел, как и писательница Мэри Маккарти, кинозвезда Лилиан Гиш, Граучо Маркс и Уолт Дисней. Опыт испанского гриппа, по-видимому, оказал значительное психологическое воздействие, в частности писатели отметили эти изменения. Говорят, что этот опыт навсегда изменил мировоззрение Стейнбека [36]. А Кэтрин Энн Портер, автор мемуаров об испанском гриппе «Бледный конь, бледный всадник» (Pale Horse, Pale Rider), рассматривала болезнь как прозрение, изменившее ее жизнь [37]. Томас Вулф, один из величайших американских романистов, оставил завораживающий и убедительный рассказ о смерти брата от испанского гриппа в своем самом знаменитом романе «Взгляни на дом свой, ангел: история погребенной жизни» [38].

Испанский грипп поставил перед медиками военного времени масштабную задачу: укротить эпидемию с помощью лечения, контроля и профилактики. Учитывая огромное влияние болезни на обе противоборствующие стороны, большая часть исследований проводилась военными. Гражданские власти отвергали грипп как отвлекающий фактор, когда все мысли должны были сосредоточиться на войне. А военные медики в Великобритании и Соединенных Штатах начали искать решение, основанное на существующих исследованиях других эпидемических заболеваний, таких как брюшной тиф и холера. Но их руки были связаны. Они не знали точно, с чем имеют дело. Оглядываясь назад, мы выяснили, что грипп вызывается вирусом. Но в 1918 году ученые считали, что это бактериальное заболевание, характеризующееся наличием бациллы Пфайффера. В конечном счете исследования, проведенные в эти темные, ужасные времена, приведут к великим научным прорывам, таким как признание того, что грипп может поражать людей, птиц и свиней, к классификации вируса гриппа на три подтипа: тип А (Smith, 1933), тип В (Francis, 1936) и тип С (Taylor, 1950) [39]. Осенью же 1918 года, когда ученые-медики пытались разработать вакцину, а их коллег продолжал косить грипп, это казалось отчаянной гонкой на время.

Одной из особенностей испанского гриппа был возраст заболевших: большинство жертв были здоровыми молодыми мужчинами и женщинами, беременные были особенно уязвимы.

Помимо названия «испанка», наиболее характерным атрибутом гриппа стала медицинская маска. Хотя сама маска мало защищала от болезни, она стала символом эпидемии. Обычно белая и завязанная на затылке маска стала использоваться не только медицинским персоналом, но и населением. Во многих городах и поселках выход на улицу без маски считался преступлением. Полицейские регулировали движение в масках, семьи фотографировались в масках, включая кошек и собак. Молодожены в Сан-Франциско застенчиво признались своему врачу, что во время занятий любовью они надевали только маски и ничего больше [40]. Сюрреалистические и навязчивые фотографии фигур в масках этого периода напоминают сцены из научно-фантастического фильма.

Одним из наиболее спорных аспектов эпидемии испанского гриппа остается его происхождение, поскольку эксперты и историки продолжают обсуждать причины этой вспышки и даже саму природу заболевания. Некоторые до сих пор считают, что испанский грипп возник на полях сражений во Франции как мутация вируса гриппа животного [41]. Другие утверждали,

что заболевание было вовсе не гриппом, а штаммом возбудителя бубонной чумы из Китая, который проник в Соединенные Штаты и Европу вместе с китайскими рабочими, поддерживавшими союзные армии [42]. Война – это время расцвета теорий заговора, поэтому неудивительно, что многие считали грипп искусственно созданным, причем утверждалось, что он был распространен немецкими подводными лодками на Восточном побережье или в упаковках аспирина Bayer [43]. В религиозных общинах испанский грипп даже рассматривался как божественное наказание за греховную природу человечества в целом и за развязывание войны в частности [44]. Многие выжившие и очевидцы предполагали, что первопричиной вспышки гриппа были миллионы трупов, гниющих на нейтральной территории, в сочетании с длительным воздействием горчичного газа⁹ [45]. Эти теории продолжают обсуждаться и сегодня.

Одна из целей, поставленных в 1918 году, состояла в том, чтобы изучить характер испанского гриппа с точки зрения тех, кто был его свидетелем, – и известных, и простых людей. С этой целью я привожу воспоминания школьниц Ист-Энда, дебютанток Мейфэра, бостонских школьников и итальянских иммигрантов. В этой книге вы найдете воспоминания леди Дианы Мэннерс, «самой красивой женщины Англии» [46], и ее жениха Даффа Купера, охваченного отчаянием в ночь перемирия [47]; военного поэта Роберта Грейвса, потерявшего свою тещу, заразившуюся испанским гриппом при посещении театра; Веры Бриттен из добровольческого отряда помощи и автора книги «Заветы юности», пережившую, по-видимому, ранний период вспышки испанского гриппа [48]; и истории бесчисленного множества других медсестер, сражавшихся за то, чтобы справиться с гриппом на фронте. Здесь также собраны воспоминания забытых героев: доктора Джеймса Нивена, главного врача Манчестера, чьи советы спасли много жизней, но, по его словам, недостаточно; медицинского исследователя Уолтера Флетчера, посвятившего свою жизнь поиску лечения от гриппа; и майора Грэма Гибсона, врача, ставшего мучеником из-за собственных исследований. Но, в то время как испанский грипп убил многих известных людей, включая австрийского художника Эгона Шиле, большинство его жертв оставались неизвестными и не оплакивались никем, кроме своих ближайших родственников, включая моих бабушку и дедушку. Во многих частях Китая, Африки, Индии и России (в водовороте революции) отсутствие точных записей означало, что многие миллионы жертв остались незамеченными, их истории затерялись в ужасе пандемии. По этой причине я решила сосредоточиться на личных историях, которые были сохранены и передавались как семейные предания, документы, мемуары и жизнеописания известных личностей. Поскольку большинство этих источников информации были британскими и американскими, акцент в этой книге неизбежно делается на Запад, хотя я попыталась показать влияние испанского гриппа на Британскую Индию, Южную Африку и Новую Зеландию.

В последних главах книги я анализирую исследования вируса H1N1, проведенные Джеффри Таубенбергером, злополучные раскопки в Норвегии, проведенные для извлечения образцов из тел норвежских шахтеров, погребенных в арктической вечной мерзлоте, и ужасающие последствия вспышки птичьего гриппа в Гонконге в 1997 году, во время которой погибли шесть человек, включая двух детей. Я также пытаюсь заглянуть в будущее и рассмотреть тревожную возможность того, что «испанка» может нанести нам ответный визит, хотя и в другом облике.

Наконец, я хотела бы объяснить, почему выбрала термин «испанка» для описания смертельного вируса, который убил более 100 миллионов человек в 1918–1919 годах. Когда в июне 1918 года по Европе прокатилась первая волна гриппа, появились карикатуры и иллюстрации, изображающие эту болезнь как «испанку». Испанский грипп был изображен как костлявая женщина с черепом вместо лица в черном наряде для фламенко, дополненном мантилей и веером. Подтекст этого готического творения подразумевал, что «испанка» была прости-

⁹ Иприт, или горчичный газ, – боевое отравляющее вещество.

туткой, свободной заражать всех одновременно. Часто пародируемая в политических пасквилях «испанка» стала культовым символом эпидемии гриппа (другой символ – маска для лица), фигурирующим в бесчисленных публикациях по всему миру на протяжении эпидемии. «Испанка» ничуть не утратила своей способности очаровывать спустя десятилетия, когда она дала свое имя названию прекрасной книги Ричарда Кольера «Чума испанки» (*The Plague of the Spanish Lady*).

Когда я впервые начала писать о пандемии гриппа 1918 года, я отвергла слово «испанка» как бесполезное понятие, не более чем утомительное женоненавистническое клише. Но шли месяцы, и я начала ценить эту женщину такой, какая она есть: вымышленное создание, которое на каком-то подсознательном уровне дает миру возможность осмыслить свои страдания. Она берет свое начало в греческой мифологии как богиня мщения Эвменида. В ней также есть что-то от Кали, индуистской богини разрушения. В христианской религии испанка – это теневая сторона Мадонны, скорбящая мать (*mater dolorosa*), ангел-истребитель, карающий мир за разрушительные действия войны. Она также классическая *femme fatale*, роковая женщина, женщина в черном. Она – наша госпожа-скорбь, наше мучение. Как культурному феномену ей невозможно противостоять. И это ее история.

Глава первая

Жертва и выживший

Когда рассвело над военным госпиталем на севере Франции, очередного молодого солдата объявили мертвым. К сожалению, это было обычным явлением в расположенном в Этапле 24-м Главном госпитале, крупнейшем полевом госпитале Франции. Сотни людей уже умерли здесь от болезней или ран. Когда рядовой Гарри Андердаун, сын фермера из Кента, умер 21 февраля 1917 года, он оказался всего лишь еще одной единицей в статистическом отчете. Даже слова в свидетельстве о смерти молодого солдата казались банальными. В двадцать лет юноша стал последней жертвой «широко распространенной бронхопневмонии» – осложнения после гриппа [1]. Но он также мог быть одной из первых жертв болезни, которая превратилась в ужасающую реальность – испанского гриппа.

Короткая жизнь Гарри была трагична, но ничем не примечательна. Всего лишь еще один молодой человек среди миллионов погибших во время Первой мировой войны. Он родился близ Эшфорда, графство Кент, в 1897 году и вырос на семейной ферме под названием Ходжэнд [2]. После объявления войны Гарри сначала решил остаться, свою профессию он определял как «сборщик сена» [3]. Но потом, в конце 1915 года, он передумал и ушел на фронт. При росте всего 5 футов и 1,5 дюйма (155 см) и весе 132 фунта (60 кг) юноша был признан годным к военной службе.

Его зачислили в армейский резерв на условии, что он «должен был прослужить один день в регулярной армии и потом оставаться в воинском резерве»... До тех пор, пока его не призовут по приказу Военного Совета [4]. Итак,

31 будучи в резерве, Гарри вернулся на свою ферму. В апреле 1916 года его призвали обратно на фронт и как рядового 12-го батальона Королевского полка Западного Суррея направили на учебу в армейскую учебную часть. Но через четыре месяца он заболел и попал в больницу с тонзиллитом. Гарри, казалось, выздоравливал, затем наступил рецидив болезни, и его «окончательно выписали» только 5 августа 1916 года [5].

Почти сразу Гарри был отправлен во Францию. Через несколько недель он стал жертвой, попав под завал, когда поблизости взорвался снаряд. Хотя Гарри и не пострадал физически, он вернулся домой инвалидом, страдая от контузии – эвфемизм Великой войны для обозначения боевого стресса. В военном госпитале Бэгторпа в Ноттингеме солдат находился в «состоянии шока», «потеряв речь и память» [6]. «Отдых и бромиды» составляли предписанный курс лечения [7].

Несмотря на все эти неприятности, Гарри твердо решил остаться в армии. В ноябре 1916 года он покинул госпиталь и вернулся в свой полк. Задержавшись в Англии на несколько недель, солдат прибыл во Францию в феврале 1917 года. Через две недели он был поражен «широко распространенной бронхопневмонией», как ее назвал лейтенант Дж. А. Б. Хэммонд из Медицинского корпуса Королевской армии [8]. Лейтенант наблюдал за состоянием Гарри с сочувствием и напряженным профессиональным интересом. Он уже видел подобные симптомы у предыдущих пациентов в Этапле, ни один из которых не выздоровел [9].

Поначалу он отметил, что симптомы Гарри, похоже, соответствовали обычной долевой пневмонии, «с потрескивающими хрипами [хлопающими звуками], отчетливо слышимыми в корне легких пациентов» [10].

Но что отличалось, так это количество гнойной мокроты, которую откашливал больной. А также ужасная одышка, которая вызывала у него беспокойство, страх и попытку выпрыгнуть из постели. По мере того как состояние пациента ухудшалось, его кожа начала приобретать

«темно-лиловый цвет» из-за недостатка кислорода (цианоз) [11]. Вскоре после этого Гарри Андердаун умер.

Это был двадцатый смертельный случай «широко распространенной бронхиальной пневмонии» с начала года, у лейтенанта Хэммонда и его коллег это стало вызывать беспокойство. Они предположили, что такое необычное состояние больных, возможно, связано с войной. Лейтенант Хэммонд вместе с армейским патологоанатомом капитаном Уильямом Ролландом и доктором Т. Г. Г. Шором, офицером, ответственным за морг и лабораторию в Этапле, провели исследование. Выводы Хэммонда были в итоге опубликованы в журнале *Lancet* в июле 1917 года [12]. Статья привлекла внимание сэра Джона Роуза Брэдфорда из Медицинского корпуса Королевской армии, врача-консультанта в Этапле. Брэдфорд, будущий президент Королевского колледжа врачей, был «страстным сторонником лабораторных исследований» [13]. Его послали в Этабль, чтобы он мог потрудиться на благо фронта. Поначалу он был разочарован отсутствием интересных медицинских случаев и открыто признавался в этом в письмах к жене. Но появление «широко распространенной бронхиальной пневмонии» возбудило его любопытство. Болезнь, которая убила Гарри Андердауна, в конечном счете стала причиной смерти 156 солдат в Этапле в феврале и марте 1917 года [14]. Брэдфорд нанял Хэммонда для проведения дальнейших исследований этого заболевания.

Один аспект болезни стал очевиден только после смерти пациентов. Во время вскрытия, если бы это была долевая пневмония, патологоанатомы обнаружили бы повреждение одной из долей легких больных. Однако среди этих пациентов был широко распространен бронхит. При вскрытии мелкие бронхи сочились густым желтым гноем и в некоторых случаях содержали *H. influenzae* и другие бактерии [15]. Из 156 солдат, у которых зимой 1917 года был диагностирован гнойный бронхит и которые умерли от него, 45 процентов имели гнойные выделения, блокирующие мелкие бронхи. «Болезнь распространилась в таких угрожающих масштабах, что почти превратилась в небольшую эпидемию» в Этапле. Хэммонд решил, что эти особенности составляют «отличительную клиническую картину», и назвал болезнь гнойным бронхитом в статье для *British Medical Journal*, опубликованной в следующем году [16].

Наиболее тревожным аспектом вспышки заболевания зимой 1917 года была его устойчивость к лечению. Врачи прибегали ко всем мыслимым видам лечения, включая кислородную терапию, паровые ингаляции и даже кровопускание, но все было безрезультатно.

Пока Хэммонд и его команда исследовали феномен гнойного бронхита в Этапле, аналогичная вспышка произошла в армейских казармах в Олдершоте (Англия). Майор Медицинского корпуса Королевской армии Адольф Абрахамс, старший брат олимпийского чемпиона Гарольда Абрахамса, руководил госпиталем «Коннот» в Олдершоте в 1916 и 1917 годах, где в зимние месяцы у ряда пациентов развился гнойный бронхит. Симптомы болезни у этих пациентов были тревожно похожи на те, которые наблюдались в Этапле, включая кашель с желтым гноем и цианоз. И болезнь была так же устойчива ко всем видам лечения и имела высокий уровень смертности. Абрахамс и его коллеги проводили свои исследования в Олдершоте совершенно независимо от Брэдфорда и Хэммонда.

Причем ученые поняли то, что имеют дело с одной и той же болезнью, только когда оба опубликовали статьи в *Lancet* летом и осенью 1917 года. Абрахамс пришел к выводу, что болезнь распространилась гораздо шире, чем он думал. И, что еще тревожнее, она будет продолжать процветать и в зимние месяцы, увеличивая необходимость в поиске профилактических мер [17].

Если, как он предположил, гнойный бронхит был более распространен, чем считали раньше, то возникает вопрос о том, как он передается. Может быть, Гарри Андердаун заболел в начале своей военной карьеры, заразившись в Олдершоте или Бэгторпе? В своем стремлении остаться в армии и продолжать сражаться, несмотря на слабое здоровье, юноша случайно перенес смертельную болезнь через Западный фронт? Хотелось бы предположить, что солдат,

похороненный на военном кладбище в Этапле, мог быть «нулевым пациентом». Но на самом деле его судьба представляла собой удел многих таких же военных, как он, которые присоединились и умерли не в бою, а от смертельного заболевания, которое стало известно как испанский грипп. Происхождение самой болезни и вызвавшего ее вируса оказалось гораздо сложнее определить.

Возможно, ответ кроется в самом Этапле, масштабной военной базе, которая является первым претендентом на место появления испанского гриппа. Небольшой городок в Па-де-Кале, примерно в пятнадцати милях к югу от Булони, Этабль включал портовые сооружения, железнодорожные станции, склады, больницы, тюрьмы, тренировочные площадки и все остальное, что нужно армии на войне. Кроме того, здесь были пехотные склады, полигоны, стрельбища, кладбище, прачечная и два почтовых отделения [18].

Поскольку лошади все еще играли значительную роль в боевых действиях, здесь находились конюшни для тысяч лошадей, которые нуждались в ветеринарном уходе во время военных конфликтов [19].

Условия жизни – утки, свиньи и люди в одном месте – отличная среда для развития смертельно опасных болезней.

Для пропитания разводили свиней, гусей, уток и кур. Сосуществование животных и птиц рядом с людьми было привычной чертой войны на протяжении сотен лет. Во время Первой мировой войны врачи почти не подозревали, что утки служат «резервуаром» для вирусов птичьего гриппа, засоряя почву фекалиями, которые затем вдыхают свиньи, ищущие пищу. А также не знали, что свиньи впоследствии заражаются птичьими вирусами и объединяют их с человеческим гриппом, приобретенным при контакте с людьми [20]. Только в последние десятилетия XX века вирусологи, такие как профессор Джон Оксфорд и Джеффри Таубенбергер, обнаружили, что птичий грипп способен преодолеть видовой барьер и мутировать в патоген, который может заражать и убивать людей [21].

Еще одним элементом, добавлявшимся к этой смертельной чашке Петри, было присутствие китайских рабочих, которых привезли для поддержки фронта. Завербованные англичанами в Северном Китае, они должны были обеспечить бесперебойную работу союзных войск, доставляя боеприпасы и продовольствие из портов Ла-Манша в лагерь. То, что животные и иммигранты жили рядом с военными в Этапле, было просто привычным аспектом армейской жизни. В то время присутствие китайских рабочих не рассматривалось как проблема для здоровья, несмотря на Маньчжурскую легочную чуму 1910–1911 годов, которая унесла жизни от 43 000 до 60 000 человек, что эквивалентно числу погибших во время Великой эпидемии чумы в Лондоне 1665 года. Оглядываясь назад, такие вирусологи, как доктор Кеннеди Шортридж из Гонконгского университета, определили Китай как «эпицентр эпидемий гриппа» [22] из-за укоренившейся привычки местного населения жить в тесном соседстве с животными, например держать свиней, подверженных инфекциям, в своих домах. «Здесь есть все условия для распространения вируса: утки, свиньи и тесный контакт животных с людьми», – сказал он [23].

Условия жизни – утки, свиньи, люди в одном месте – были схожими в Этапле и сочетались с инфекционными болезнями, которые осаждали все военные лагеря. В Этапле были главным образом пехотные сборные базы (ПСБ), расположенные на возвышенности к востоку от железной дороги, которая проходила рядом с городом с севера на юг. Призванные из Англии многочисленные пехотные дивизии попадали в ПСБ, где в зависимости от подразделения перегруппировывались, проходили период обучения и отправлялись на фронт [24]. Кроме того, в этих местах можно было найти людей, переведенных из разных театров военных действий или входивших в категорию «временно находящийся» после госпиталя и выздоровления [25]. Они включали в себя бесконечную вереницу больных и раненых томми и немецких военнопленных

с фронта, за которыми ухаживала молодая англичанка Вера Бриттен и ее товарищи по добровольческому отряду помощи при Главном госпитале № 24.

Этапль и в лучшие времена был мрачным местом. Леди Олав Баден-Пауэлл, жена основателя скаутского движения и в 1918 году лидер девочек-скаутов, записалась добровольцем в Молодежную христианскую ассоциацию на базе и отвергла Этапль как «грязный, отвратительный, вонючий маленький городок» [26]. В то время как офицерам удавалось сбегать из базового лагеря на пляжный курорт Ле-Туке, солдаты находились в гнетущих условиях, без должного отдыха. На «арене для быков», как назывались тренировочные площадки, солдат, едва выписанных из госпиталя, и тех, кто много повидал в окопах, готовили так же, как и новобранцев из Англии [27]. Курс газовой войны и две недели на арене были обычной программой. А потом еще две недели маршей через дюны под руководством офицеров и сержантов (унтер-офицеров) – обучение «кровь на штыке» [28]. Сержанты, отвечающие за подготовку, были известны как «канарейки» из-за их желтых нарукавных повязок. Они также имели репутацию не служивших на фронте, что неизбежно создавало определенное напряжение и презрение [29]. В то время как условия были плохими, поход на «арену для быков» и обратно, а также сама тренировка занимали весь день. Несмотря на то, что Этапль был постоянной базой, люди жили в походных условиях – в палатках, а основной прием пищи состоял из двух кусков говядины, двух печений и лука. Один офицер вспоминал, что тренировка была «сверх меры деморализующей» [30], в то время как другой говорил, что они были подобны «прохождению через ад в течение двух недель» [31]. Один капрал столкнулся с несколькими солдатами, возвращавшимися на фронт с ранениями, которые были еще далеки от заживления. «Когда я спрашивал, почему они вернулись в таком состоянии, они неизменно отвечали: чтобы уйти с „арены для быков“» [32].

Условия и моральный дух ухудшились до такой степени, что в Этапле в воскресенье, 9 сентября 1917 года, произошел мятеж. Вера Бриттен вспомнила атмосферу слухов и секретности, когда женский персонал был заперт в больницах для их безопасности, и пришла к выводу, что мятеж был результатом суровых условий [33].

Военный поэт Уилфред Оуэн, обосновавшийся в Этапле в конце 1917 года, тоже негативно отзывался о базе, описывая ее в письме домой к матери в канун Нового года.

В прошлом году в это самое время (сейчас как раз полночь, и наступило невыносимое мгновение перемен) я лежал без сна в продуваемой всеми ветрами палатке посреди огромного ужасного лагеря. Казалось, что это не Франция и не Англия, а что-то вроде загона, где за несколько дней до катастрофы держат животных. Я слышал, как ликут шотландские солдаты, которые теперь мертвы, которые знали, что погибнут. Я думал об этой сегодняшней ночи, и действительно ли я должен... действительно ли мы должны... действительно ли вы хотите этого... но я не думал ни долго, ни глубоко, потому что я мастер поэтики. Но главным образом я думал об очень странном выражении лиц всех в этом лагере. Непонятном взгляде, который человек никогда не увидит в Англии, хотя войны должны быть и в этой стране. И его нельзя увидеть ни в одном сражении. Только в Этапле. Это не было отчаяние или ужас, это было страшнее ужаса, потому что это был слепой взгляд в никуда и без выражения, как у мертвого кролика [34].

При всех своих недостатках Этапль был идеальным местом для военного госпиталя. База располагалась рядом с железнодорожными путями, идущими на юг к Абвилю и Сомме. Это позволяло легко доставлять раненых с поля боя и отправлять их обратно на фронт, как только они были готовы снова сражаться. Этапль был также недалеко от Булони, предлагая короткий переход через Ла-Манш в Англию, что было важно потому, что немецкие подводные лодки патрулировали пролив.

Вера Бриттен, которая бросила учебу в Оксфордском университете, чтобы добровольно стать медсестрой, впервые прибыла в госпиталь № 24 3 августа 1916 года. Девушка поэтически описала Этапл как город, лежащий «между песчаными холмами и морем» [35], с «ярким светом» [36] над болотами. Офицеры и матросы, употребляя более грубые обороты речи, называли его «песчаной кучей» [37].

Лагерь больше походил на маленький городок, чем на военную базу, простиравшуюся насколько хватало глаз. Вдоль полей по обе стороны железной дороги тянулись ряды палаток для врачей и лачуг для медсестер. Сам госпиталь № 24, рассчитанный на 22 000 пациентов, состоял из двенадцати длинных деревянных хижин, покрытых настурцией, с ситцевыми занавесками на окнах. Но из-за отдаленных звуков выстрелов невозможно было избежать постоянной атмосферы напряженности в госпитале. «Всё и вся» в Этапле было «всегда в движении, дружба и встречи были кратковременными, сама жизнь была самой недолговечной из всего» [38].

Главный госпиталь № 24 в Этапле был построен для того, чтобы справиться с огромным количеством жертв на Западном фронте и болезнями, сопровождающими войну. Первоначально преобладали традиционные боевые раны, хотя они становились все хуже по мере разворачивания войны из-за инноваций в вооружении, включая осколочно-фугасные снаряды и пулеметы. Обязанности Веры, когда она только приехала, состояли в том, чтобы ухаживать за военнопленными, размещенными в сырых, переполненных палатках, менять повязки и дренировать раны при температуре 32 °С. К сентябрю, когда погода оставалась не по сезону теплой, у медсестер развилась желудочная инфекция, которую они называли «этаплит» [39]. При таком плотном скоплении людей существовала реальная опасность заболеть дизентерией и брюшным тифом. Следующей проблемой был сепсис, а также опасность того, что раны, полученные в окопах, начнут гноиться. Мужчины страдали от траншейной стопы, до сих пор не изученного состояния, при котором развивалась гангрена и отваливались пальцы ног. А вдобавок траншейной лихорадки, которая, как позже выяснилось, передавалась вошью *Pediculus humanus* [40], было также еще одно новое заболевание, известное как «военный нефрит», которое сопровождалось головной болью, лихорадкой и повреждением почек. Проблемы еще доставлял горчичный газ, который приводил к инфекциям верхних дыхательных путей, пневмонии и ужасному «легочному бронхиту», который убил Гарри Андердауна и его товарищей. Деморализованные войной выздоравливающие солдаты с ослабленным иммунитетом были крайне уязвимы.

Этих условий, как новых, так и старых, было достаточно для того, чтобы на протяжении всей войны медицинские бригады работали не покладая рук. Каждый день в Этапле находилось 10 000 медицинских работников, мужчин и женщин, в то время как сотни поездов ежедневно прибывали на железнодорожные пути лагеря, привозя раненых с фронта. Вымотанный до предела персонал с трудом справлялся, и многие медики сами становились жертвами болезней, в том числе Вера. Когда 12 января 1918 года Вера получила письмо от своего брата Эварда с просьбой сопровождать его в отпуск в Англию, она, понятное дело, воспользовалась случаем.

Но два дня спустя, приехав в Булонь слишком поздно, чтобы успеть на пароход через Ла-Манш, девушка провела в порту ночь в лихорадке, все ее тело болело, а голова раскалывалась. На следующее утро тяжелая переправа и поездка на ледяном поезде из Фолкстона не улучшили ее состояния, и она добралась до семейного дома в Кенсингтоне «полностью разбитая» [41].

На следующее утро Вера проснулась с температурой 39,4 градуса, и ей посоветовали продлить отпуск, пока она не поправится. Она, по-видимому, страдала от ПНП (пирексия [лихорадка] неизвестного происхождения), также известной как «траншейная лихорадка» [42], что было характерно для многих болезней военного времени. Симптомы болезни девушки также совпадали с ранним началом испанского гриппа, хотя она милосердно избежала последующих симптомов: гнойного бронхита, цианоза и дыхательной недостаточности. Может быть, она

уже подверглась воздействию ранней формы вируса во время работы медсестрой и приобрела иммунитет?

Мы никогда не узнаем, заразилась ли Вера в Этапле или подверглась нападению вируса во время своего возвращения в Англию. В отличие от рядового Гарри Андердауна, она выжила и продолжала записывать свои переживания в «Заветах юности», одних из самых известных воспоминаний о Великой войне.

Судьбы рядового Андердауна и Веры Бриттен были, как и их жизни, очень разными, но обе их истории служат иллюстрацией медицинских тайн, окружающих происхождение испанского гриппа.

Глава вторая

Сбивающая с ног лихорадка

Однажды морозной февральской ночью 1918 года доктора Лоринга Майнера вызвали к пациенту в округ Хаскелл, штат Канзас. Ему сообщили, что старушка страдает от «сбивающей с ног лихорадки» – традиционное в тех местах название состояния, сопровождающегося повышением температуры, кашлем и ознобом. Для большинства пациентов грипп был лихорадкой, которая проходила в течение нескольких дней. Только младенцы и старики находились в группе риска, так как осложнения были смертельны для уязвимых людей. Схватив свою кожаную сумку, доктор Майнер забрался в запряженную лошадьми коляску и направился к отдаленной усадьбе. Доктора с угловатой фигурой с характерными усами очень любили в этом суровом сельском захолустье. Говорили, что пациенты предпочли бы пьяного доктора Майнера всем другим трезвым врачам [1].

Медик был потрясен тем, что обнаружил, когда добрался до усадьбы. У пациентки, пожилой женщины, развился цианоз, и она посинела от недостатка кислорода. Борясь за свою жизнь, она страдала от приступов кашля и изо всех сил пыталась дышать. Ее семья толпилась вокруг с тазами и полотенцами, пока она страдала от одного катастрофического кровотечения за другим, кровь пенистой струйкой вырывалась из ее легких. Доктор Майнер сразу же диагностировал пневмонию, вызванную гриппом, но никогда прежде он не видел таких опасных симптомов.

Вскоре после этого больная умерла в мучениях. В последующие дни врач едва успевал записывать необычные симптомы пациентки, потому что теперь он постоянно 45 занимался подобными случаями. Днем и ночью местные семьи стучались в дверь дома доктора Майнера или появлялись в его аптеке, умоляя о помощи. Многие из жертв были ранее здоровы, а теперь мальчики с ферм и молодые женщины были буквально убиты без предупреждения. Грипп, потенциально смертельный для младенцев и стариков, казалось, был нацелен на самых здоровых людей в общине. Потрясенный доктор Майнер бросился разгадывать загадку этого таинственного недуга. Он даже делал уколы от дифтерии и столбняка, чтобы стимулировать иммунную систему своих пациентов. Но времени на исследования оставалось мало, потому что врач постоянно разъезжал по всему Хаскеллу, навещая больных гриппом. Хотя у него был автомобиль, один из первых в округе, он полагался на свою старую коляску, запряженную лошадьми. Он часто бывал так измучен, что засыпал в коляске, предоставив лошади искать дорогу домой [2]. В редких перерывах между визитами на дом врач сверялся с медицинскими учебниками, писал другим медикам и анализировал образцы крови и мочи своих пациентов в поисках лекарства. Он подозревал, но не мог доказать, что вспышка имела какое-то отношение к животноводству, из-за частоты возникновения заболевания на отдаленных фермах, но он блуждал в потемках. В 1918 году наша современная концепция вирусологии была неизвестна медицинской науке. Считалось, что существуют частицы, которые меньше бактерий, но только в 1938 году с изобретением электронного микроскопа ученые смогли выявлять вирусы [3].

В то время как исследователи уже изучали бактериальные вакцины против многих заболеваний, включая оспу, сибирскую язву, бешенство, дифтерию и менингит, бактериальные вакцины на грипп не действовали.

Врачи могли полагаться только на классические методы лечения гриппа: постельный режим, опиум для подавления кашля и облегчения боли и хинин – экстракт древесной коры. Традиционно используемый для лечения малярии, хотя больше не рекомендованный для этой цели, хинин, как считалось, способствовал выздоровлению, выводя инфекцию из организма пациента с помощью повышенного потоотделения. Многие пациенты обращались к народным

средствам, некоторые из них были более приемлемы, чем другие. В то время как лимон, виски и чеснок были традиционными «лекарствами от всех болезней» наряду с травами, были и более причудливые предложения – касторовое масло и керосин на кубике сахара.

В то время как округ Хаскелл затаил дыхание и боялся за своих близких, местная газета Santa Fe Monitor выполнила свою традиционную задачу по информированию общественности о повседневной деятельности своих читателей. «Миссис Ева Ван Олстайн больна пневмонией, – объявила газета и как бы в утешение отмечала: ее маленький сын Рой теперь может встать с постели» [4]. Через день или два было опубликовано сообщение, что «Ральф Линдемэн все еще очень болен. Голди Вольгехаген работает в магазине Веетман во время болезни своей сестры Евы» [5]. Читателям также сообщалось о том, что, хотя «Гомер Муди был объявлен тяжелобольным, миссис Дж. С Кокс немного лучше, но она все еще очень слаба», а «Ральф Макконнелл был очень болен на этой неделе» [6]. Santa Fe Monitor пришла к выводу, что «почти у всех в округе грипп или пневмония» [7].

Эти грубоватые описания преуменьшали масштабы вспышки гриппа в округе Хаскелл. Такие описания, как «больной» или «слабый», не соответствовали абсолютному ужасу, который испытывали пациенты и их семьи. И скорости, с которой началась вспышка гриппа, и ужасным симптомам: цианозу, кровотечениям и зловещей «дыхательной недостаточности», которая заставляла пациентов хватать ртом воздух и задыхаться.

Через несколько недель вспышка гриппа в Хаскелле утихла так же быстро, как и началась. Но доктор Майнер не хотел забывать о том, что произошло после смерти пожилой леди на ферме. Врач потерял трех пациентов из-за вторичной пневмонии, распространенного осложнения гриппа, и был глубоко обеспокоен перспективой новой вспышки. Он написал письмо правительству в Вашингтон, предупреждая о вспышке болезни в округе Хаскелл и рекомендуя принять меры предосторожности против эпидемии, но его практически проигнорировали. Грипп не был «болезнью, подлежащей уведомлению», а это означало, что органы здравоохранения не должны были сообщать о нем. К тому же правительство было слишком занято войной. Это был бы первый случай, когда правительство проигнорировало предупреждения о смертельном вирусе гриппа ради поддержания морального духа нации. Отчеты доктора Майнера были в конце концов опубликованы, спрятанные от посторонних глаз на не привлекающих внимания страницах профессионального журнала The Public Health Reports за 5 апреля 1918 года: «В Хаскелле, штат Канзас, с 30 марта 1918 года было зарегистрировано 18 случаев гриппа тяжелого типа, в результате которых три человека умерли» [8].

Тем временем в округе Хаскелл Santa Fe Monitor продолжала сообщать о мелочах жизни маленького городка. Молодой Дин Нилсон вернулся домой в отпуск из армии, и газета пришла к выводу, что «Дин выглядит так, как будто солдатская жизнь ему идет ему на пользу» [9]. В то же самое время, когда Дин Нилсон вернулся домой, Эрнест Эллиот отправился в Кэмп-Фанстон, Форт-Райли, чтобы навестить своего брата. Эта военная территория, расположенная в 482 км от округа Хаскелл, была тем же самым местом, которое только что покинул Дин Нилсон. Когда Эрнест Эллиот отправился в путь, его младшему сыну Мертину стало плохо. Пока отец отсутствовал, состояние мальчика ухудшилось.

В Santa Fe Monitor отметили, что «Мертин, маленький сын Эрнеста Эллиота, болен пневмонией» [10]. Мальчик заразился потенциально смертельным штаммом гриппа, и его отец, хотя и не был жертвой, был очевидным носителем патогена, принесшим инфекцию с собой в Форт-Райли. Через несколько дней Дин Нилсон вернулся в тот же лагерь. Оба мужчины невольно распространили вирус. Таково было непредвиденное последствие вступления США в военный конфликт.

Америка в 1918 году превратилась в страну, охваченную агонией. Возглавляемые президентом Вудро Вильсоном Соединенные Штаты объявили войну Германии в прошлом году, поддерживая боевой дух в своей стране призывами на военную службу, пополнением войск

и специальными облигациями. К весне 1918 года нация была готова сыграть решающую роль в конфликте. Более 4 миллионов мужчин из всех слоев общества добровольно или по призыву служили своей стране в атмосфере патриотического рвения. Набранные из сельской глубинки и разросшихся городов, из прерий Среднего Запада и глубин Юга, эти люди оказались в армейских лагерях, проходя базовую подготовку, которая позволила бы им сражаться на всех фронтах против общего врага. К несчастью, это были также идеальные условия для вспышки болезни, по мнению эпидемиолога доктора Виктора К. Воана, писавшего впоследствии в своих мемуарах 1936 года:

«Процедуры, применявшиеся при мобилизации наших солдат во время мировой войны, привели к тому, что в каждом военном городке обнаруживалась любая инфекция, существовавшая тогда в тех районах, откуда эти люди прибыли. Призывники в каждом штате собирались в определенном месте. Они были из разных слоев общества; они пришли в своей обычной одежде; некоторые чистые, некоторые грязные. Каждый из них принес много образцов бактерий, которые тогда изобиловали в его регионе.

Они принесли эти организмы на своих руках, телах и одежде. Они собирались в государственных пунктах сбора и оставались здесь в течение некоторого времени, достаточно долго, чтобы пройти через все стадии мобилизации. Затем они заполнили воинские эшелоны, и их перевозили в соответствующие места расквартирования» [11].

В то время как Воан имел в виду корь в широком смысле, те же правила применялись к эпидемиям гриппа, которые вспыхнули в армейских лагерях в 1918 году. Но в то время его слова и слова коллег-медиков остались без внимания: «Об опасностях, связанных с мобилизационными процедурами, которым мы следовали во время мировой войны, было доложено соответствующим властям еще до того, как состоялась мобилизация», но ответ был таков: «Цель мобилизации состоит в том, чтобы как можно скорее превратить гражданских лиц в обученных солдат, а не устраивать демонстрацию превентивной медицины» [12].

Но, конечно, утверждал Воан, худшим местом для заражения был военный лагерь: «Чем более плотными группами люди собираются вместе, тем труднее контролировать распространение инфекции. Нет других условий, при которых люди находились бы в таком тесном и постоянном контакте, как в военном лагере» [13].

Кэмп-Фанстон, Форт-Райли, штат Техас, был именно таким местом, типичным примером военных формирований, которые возникали по всей территории Соединенных Штатов. Он располагался в военной резервации Форт-Райли близ Джанкшен-Сити, штат Канзас. Названный в честь бригадного генерала Фредерика Фанстона, он был самым большим из 16 дивизионных лагерей подготовки, построенных во время Первой мировой войны для размещения и подготовки солдат к военной службе. Строительство началось в июле 1917 года, и здания были равномерно распределены по городским кварталам с главными и боковыми улицами по обе стороны. По оценкам, было построено от 2800 до 4000 зданий для размещения более 40 000 солдат из 89-й дивизии армии США, которые были поселены на объекте. Строительство обошлось примерно в 10 миллионов долларов [14].

Он был больше похож на город, чем на военный лагерь: тут были жилые и учебные центры, универсальные магазины, театры, социальные учреждения, лазареты, библиотеки, школы, мастерские и даже кофейня. В двухэтажных спальнях бараках площадью 43х140 футов (13х42 м) располагались кухня, столовая, кабинет командира роты, подсобные помещения и комнаты для командиров отделений или общежития. В каждой спальняной комнате было по 150 коек, так как таков был размер пехотной роты в 1917 году [15].

Основной целью Кэмп-Фанстона было обучение солдат, призванных в штаты Среднего Запада, чтобы сражаться за границы. Люди проводили часы на тренировках, обучаясь новым

военным приемам. Многие офицеры были приглашены из других стран, таких как Франция и Великобритания, чтобы обучать новобранцев со Среднего Запада. В свободное время солдаты могли посмотреть спектакль в театре или посетить один из социальных центров, хотя многие тосковали по жизни дома. Джеймс Х. Диксон, служивший в 356-м пехотном полку 89-й дивизии, писал своему другу: «Юнис, не стоит долго писать о новостях, потому что в Канзасе их почти нет, ветер все сдувает» [16]. Упоминание о ветре имеет большое значение. Солдаты часто жаловались на неблагоприятные погодные условия в Кэмп-Фанстоне, пробирающую до костей зиму и знойное лето. Первый лейтенант¹⁰ Элизабет Хардинг, армейская медсестра корпуса и первая старшая медсестра в лагере, вспоминала: «Я прибыла в Форт-Райли примерно в середине октября 1917 года, во время снежной бури! Это была самая холодная зима в моей жизни и самое жаркое лето, которое я могу вспомнить» [17]. Хотя климат был недостаточно суров, чтобы бороться с ним, условия ухудшались слепящими пыльными бурями, которые, в свою очередь, усиливались у навозных костров. Форт-Райли был центром американской кавалерии, и тысячи лошадей и мулов были размещены там. Солдаты, кроме верховой езды, осваивали различные навыки, от тех, что касаются ветеринарии, до подковывания лошадей и изготовления упряжи и шор. Там можно было увидеть будущего генерала Джорджа Паттона, который по выходным играл в поло и занимался конкур¹¹ [18]. Лошади производили около девяти тонн навоза в месяц, и его сжигание было общепринятым методом утилизации. В результате пыль, смешанная с пеплом от горящего навоза, создавала жгучую зловонную желтую дымку. Крупинки мелкого песка ухудшали состояние легких и бронхов, делая людей склонными к астме, бронхиту и пневмонии. А густой черный дым часами окутывал землю и еще больше раздражал дыхательные пути [19].

Одной из самых больших проблем в любом военном лагере были инфекционные заболевания. Всем солдатам при поступлении в лагерь делали прививки от «боевых» болезней, таких как холера и дизентерия. А всех мужчин, считавшихся заразными, немедленно помещали на карантин до тех пор, пока они не выздоравливали или больше не считались заразными. В 1918 году комендантом базового госпиталя в Форт-Райли был полковник Эдвард Шрайнер, хирург, который поступил на государственную службу по контракту. Он присоединился к регулярному медицинскому корпусу и командовал госпиталем на мексиканской границе в 1916 году [20]. Армейские медсестры прибыли в эти суровые условия всего лишь за год до него. Первый лейтенант Элизабет Хардинг вспоминала, что «казармы превращались в госпитали. Сначала он был очень примитивным, без туалета или ванны, кроме как в подвале зданий. Горячей воды и отопления почти не было» [21].

В субботу, 9 марта 1918 года, Форт-Райли пережил пыльную бурю, одну из самых страшных, какую только могли припомнить люди.

Говорили, что в тот день солнце в Канзасе почернело. Поезда должны были останавливаться на путях, и Форт-Райли был покрыт сажей и пеплом. Людям было поручено навести порядок, но их командирам не пришлось в голову выдать им маски. В следующий понедельник, 11 марта, повар рядовой Альберт Гитчелл сообщил о своей болезни: он страдал от боли в горле и мигрени. Дежурный медик заподозрил, что его симптомы вызваны пыльными бурями и последствиями навозных костров. Но, поскольку температура рядового Гитчелла была 40 °С, его поместили в изолятор [22]. Вскоре после этого в госпиталь обратились капрал Ли У. Дрейк и сержант Адольф Херби. Температура рядового Херби была даже выше (41 °С), чем у Гитчелла, и он страдал от воспаления горла, носовых ходов и бронхов. Когда постоянный поток больных выстроился в аккуратную очередь, дежурный офицер вызвал полковника Шрайнера для подкрепления. К полудню полковник и его помощники осмотрели более 107 больных. К

¹⁰ Первый лейтенант – воинское звание в армии США.

¹¹ Конкур – соревнования по преодолению препятствий на лошади.

концу недели в лагере было зарегистрировано 522 заболевших. К концу марта болели 1100 человек, их было так много, что ангар пришлось превратить в общую палату [23]. Обращая внимание на эту вспышку гриппа и выполняя свой долг по уходу за солдатами, полковник Шрайнер был крайне осторожен после событий предыдущего года. В 1917 году офицер армии Джон Дуайер был отдан под трибунал после смерти новобранцев от гриппа. Его признали виновным в халатности за то, что он приказал одному солдату с гриппом взять на себя дополнительные обязанности, несмотря на то что тот был тяжело болен. Дуайера уволили из армии [24].

Эта вспышка была серьезной, но не неожиданной. Очаги инфекций были обычным явлением в казармах, где так много людей постоянно жило вместе в стесненных условиях.

Лейтенант Хардинг отметил, что «как обычно в больших группах, которые были размещены вместе в Кэмп-Фанстоне, было много эпидемий. Многие из солдат прибыли с ферм, где они никогда не сталкивались с заразными болезнями» [25]. Но эта вспышка была иной.

Первоначальный диагноз полковника Шрайнера предполагал, что его пациенты умерли от гриппа. Их симптомы напоминали классический случай гриппа: озноб, сопровождаемый высокой температурой, головной болью и болью в спине. Но некоторые были слишком слабы, чтобы даже встать, и их симптомы включали сильный кашель, кровотечение из носа и дыхательную недостаточность. Некоторые задыхались и умирали. Число погибших было необычайно велико: в то время как большинство пациентов выздоравливали в течение пяти дней, сорок восемь умерли от осложнений, таких как пневмония и кровотечения. Когда вирулентный¹² штамм вируса гриппа пронесся вихрем через Кэмп-Фанстон, полковник Шрайнер телеграфировал в штаб армии США в Вашингтоне 30 марта: «Многие умерли от гриппа сразу после двух чрезвычайно сильных пыльных бурь» [26]. Власти отнеслись к полковнику Шрайнеру так же, как и к доктору Лорингу Майнеру: они не восприняли всерьез его предостережения.

Пыльные бури не были чем-то новым в Канзасе, как и вспышки инфекций в военных лагерях. Но, вместе взятые, они, казалось, наводили на мысль о какой-то новой и доселе неизвестной угрозе. Доктор Майнер и полковник Шрайнер знали, что легочная чума представляет реальную угрозу. Легочная чума, черная смерть из средневековой истории, передавалась воздушно-капельным путем, как и грипп. И, как отмечалось в предыдущей главе, в Маньчжурии была вспышка этого заболевания. Около 200 000 рабочих из Северного Китая путешествовали через США, чтобы работать с союзниками во Франции. Неужели они принесли с собой легочную чуму, которая, сменив среду обитания, превратилась в новый и смертельный штамм вируса гриппа? Эта теория, конечно, не объясняет вспышек болезни на отдаленных фермах, свидетелем которых был доктор Майнер.

Полковник Шрайнер, казалось, верил, что сама пыльная буря спровоцировала эпидемию. Но в ретроспективе были и другие возможности: свиной грипп мутировал у животных, содержащихся на базе, или лошадиный грипп видоизменился у тысячи кавалерийских коней лагеря? [27] Вполне возможно, что некоторые из этих лошадей болели гриппом, который затем распространился по лагерю в результате сжигания навоза. С практической точки зрения, хотя пылевое облако, возможно, и не было причиной гриппа, оно, безусловно, помогало ему распространяться, оставляя после себя след из больных солдат, задыхающихся и хрипящих в течение нескольких дней. Это были идеальные условия, при которых вирус гриппа мог бы процветать.

А потом, как и прежде в округе Хаскелл, грипп исчез так же быстро, как и начался, и был забыт в суете подготовки к войне в Европе.

¹² Вирулентность – степень способности данного инфекционного агента вызывать заболевание или гибель организма.

Глава третья

Безымянный убийца

Когда весной 1918 года американские военные усилия активизировались, вспышки особо тяжелого штамма гриппа вспыхнули в военных лагерях, по-видимому, одновременно, от Нью-Йорка до Флориды, Калифорнии и Алабамы. Хотя грипп представлял постоянную опасность в условиях армейской жизни, будучи следствием перенаселенности и антисанитарии в помещениях, многих офицеров встревожила быстрота и серьезность распространения заболевания. Новый штамм смертельно опасного гриппа также начал распространяться среди гражданского населения, нацеливаясь на те места, где люди собирались вместе в тесных замкнутых помещениях, таких как школы и тюрьмы. Следующая цепь событий указывает на произвольный характер распространения по Америке первой волны испанского гриппа.

В армии США полковник Эдвард Шрайнер уже выразил беспокойство по поводу вспышки гриппа в Кэмп-Фанстоне. Генерал-майор Хью Скотт, командир 78-й дивизии в Кэмп-Диксе, штат Нью-Джерси, вскоре тоже забеспокоился. В апреле 1918 года генерал-майор Хью Скотт написал американскому хирургу Уильяму Кроуфорду Горгасу о распространении болезни в Кэмп-Диксе, в частности гриппа, который был причиной увеличения числа случаев пневмонии.

Генерал-майор Скотт никак не мог объяснить причину такой эпидемии: «Наш лагерь чище всех других» [1]. В своем письме к генералу Горгасу генерал-майор Скотт описал санитарные меры, которые он приказал принять в Кэмп-Диксе, и попросил того приехать и посетить военное формирование и «взглянуть, в чем дело» [2]. Генерал-майор Скотт не мог успокоиться, пока не убедился, что сделал все возможное, чтобы предотвратить заражение своих людей.

Со своей стороны, генерал Горгас очень серьезно отнесся к просьбе генерал-майора Скотта, победившего желтую лихорадку в американской армии. Желтая лихорадка, названная так потому, что в своей второй, токсической, стадии она вызывает желтуху, является вирусным заболеванием, распространяемым инфицированными самками комаров. Горгас, как известно, боролся с вирусом с помощью программы профилактических санитарных мер и был готов сражаться со вспышкой пневмонии таким же безжалостно-энергичным способом. Генерал Горгас был убежден, что одной из причин этой особенно опасной вспышки была перенаселенность.

«Я нисколько не сомневаюсь, что если завтра вы выделите каждому человеку в Кэмп-Диксе свою отдельную палатку, то пневмония сразу же пройдет» [3], – заявил он. Горгас объяснил, что это был выбранный им метод борьбы с пневмонией среди строителей Панамского канала. Он добавил, что «у нас есть несколько лучших ученых в Соединенных Штатах, изучающих вопрос заражения пневмонией. И, возможно, мы добьемся такого же успеха с пневмонией, как с желтой лихорадкой и малярией в испано-американской войне» [4].

Одной из жертв вспышки в Кэмп-Диксе стал рядовой Гарри Прессли из 15-й кавалерийской дивизии США. Он заразился гриппом во время весенней эпидемии в Кэмп-Диксе, но не был признан достаточно больным, чтобы его сняли с дежурства. К счастью для рядового Прессли, он занимался офисной работой, которая ограничивала его физическую активность. Приятель Прессли Сид Аллен тоже заболел, но ему было «приказано продолжать работу», и он все еще был болен, когда они отправились во Францию в апреле 1918 года [5].

И только когда одновременно начались новые вспышки этого особо тяжелого гриппа, американские военные признали, что это действительно может быть проблемой. Вспышки гриппа произошли в армейских лагерях в Калифорнии, Флориде, Вирджинии, Алабаме, Южной Каролине и Джорджии [6]. Генерал Горгас сообщил об эпидемии гриппа в лагерях Огл-

торп, Гордон, Грант, Льюис, Донифан, Фремон, Шерман, Логан, Хэнкок, Кирни, Макклеллан и других [7].

Вспышки болезни не ограничивались военными. Вернемся в Хаскелл, место встревожившей вспышки, свидетелем которой был доктор Майнер: грипп поразил индейскую школу округа, где обучались молодые коренные американцы, чтобы стать частью рабочей силы. Из 400 детей трое умерли. Смертельные случаи гриппа были также в Чикаго и Детройте, где в марте 1918 года заболела тысяча рабочих Ford Motor Company [8]. Таинственная болезнь пришла в движение, и передвигалась она быстро. Хотя таким врачам, как полковник Шрайнер, было ясно, что этот смертельный штамм вируса гриппа принимает другую форму, у них даже не было нового названия для этого старого врага. Однако один армейский врач попытался придумать новый ярлык. В Отчетах военного хирурга Кэмп-Керни местное название «японский грипп» ошибочно дали этому заболеванию, которое, как полагают, началось с прибытия в Сан-Диего эскадры японских военных кораблей с несколькими случаями гриппа в течение первой недели апреля [9].

Отсутствие документации затрудняло отслеживание вспышки болезни. В то время как военные власти были вынуждены сохранить медицинские записи о военных, пригодность которых к службе имеет решающее значение для армии, статистика не была доступна для гражданского населения, поскольку грипп не является заболеванием, подлежащим уведомлению. Единственным подтверждением наличия смертельного заболевания в этот период является краткое упоминание о вспышке в округе Хаскелл в отчетах общественного здравоохранения от 5 апреля 1918 года [10].

Грипп неизбежно процветал в школах. Одной из жертв болезни стал шестнадцатилетний Джон Стейнбек. Будущий автор «Гроздьев гнева» однажды вернулся домой из калифорнийской школы «бледный и с головокружением» [11] и рухнул в постель к большому ужасу своей матери Олив. У Джона резко поднялась температура, и он начал бредить. «Я спускался все ниже и ниже, – вспоминал он, – пока кончики крыльев ангелов не коснулись моих глаз» [12]. Вызвали местного хирурга, доктора Мергансера, который быстро превратил спальню пациента в операционную.

Он вскрыл грудную клетку подростка под действием эфира, удалив ребро, чтобы получить доступ к инфицированному легкому, которое затем было очищено от плеврального выпота. «Мы думали, что он умрет прямо у нас на глазах, – говорит его сестра. – Джон выглядел ужасно, просто ужасно. Мы сделали для него все, что могли. А потом у него случился рецидив. Это заняло много времени, но в конце концов он пришел в себя. Надо сказать, мы были напуганы до смерти» [13].

Это радикальное лечение сработало, и Джон достаточно оправился, чтобы ходить в школу последние три недели перед летними каникулами, но у него остались проблемы с легкими на всю оставшуюся жизнь. Этот опыт оставил странный психологический отпечаток, наделив Стейнбека глубоким чувством уязвимости, которое сформировало его как писателя. «Это, кажется, дало ему ощутить себя на волосок от смерти» [14], – писал его биограф Джей Парини. Как и многих других людей, переживших испанский грипп, с которыми мы познакомимся в этой книге, потрясение от этого опыта осталось у Стейнбека на всю жизнь.

Отсутствие документации затрудняло отслеживание вспышек болезни.

Американские тюрьмы были главной мишенью для гриппа, который быстро распространился среди подобных сообществ с высокой плотностью населения. Вспышка 1918 года в тюрьме Сан-Квентин, Калифорния, где заболели 500 из 1900 заключенных, была заметным примером. Заключенные, по-видимому, стали жертвами печально известного медицинского

эксперимента. Эпидемия гриппа в Сан-Квентине не была ничем особенным, учитывая условия содержания в тюрьме. Местный врач Лео Стэнли был потрясен отсутствием гигиены, когда прибыл в учреждение в 1913 году. «Вентиляция была отвратительной, кровати тесно стояли друг к другу, воздушное пространство было чрезвычайно ограничено» [15], – писал он в своем отчете о вспышке болезни. Стэнли был особенно обеспокоен распространением туберкулеза, который в то время был главным убийцей, а также демонстрировал предрассудки своего века, выражая отвращение к отсутствию расовой сегрегации. «Белые, негры и индейцы смешивались здесь без разбора [16], – писал он, – а окрестности были чрезвычайно грязными» [17]. Несмотря на свои очевидные недостатки, Стэнли стал, по-видимому, образцовым тюремным врачом, полностью посвятив себя работе. С командой из четырех платных ассистентов, а также служащих и медсестер Стэнли разработал эффективную систему лечения заключенных, выстроив «линию приема таблеток» утром и днем [18]. Именно Стэнли в своей эффективной манере описал вспышку гриппа в Сан-Квентине, когда первые случаи гриппа появились в апреле 1918 года.

Первая вспышка болезни в Сан-Квентине началась 13 апреля, когда заключенный, именуемый теперь заключенным А, прибыл из окружной тюрьмы Лос-Анджелеса, где заболели несколько других арестантов. Заключенный А был болен еще до прибытия в Сан-Квентин, страдая от «болей во всем теле, сопровождающихся лихорадкой» [19].

По прибытии 14 апреля в Сан-Квентин заключенный А «смешался с 1900 людьми, собравшимися во дворе в воскресенье. Они ели в общей столовой вместе с ним, а на ночь его заперли в приемной комнате с еще примерно 20 новичками» [20]. На следующий день состояние заключенного А ухудшилось, и он был госпитализирован в тюремную больницу с «температурой 38,3 °С, ознобом и болью в спине и костях» [21]. С этого времени и до 26 мая в Сан-Квентине свирепствовала эпидемия необычной степени тяжести, был госпитализирован 101 пациент, из которых у семи развилась бронхопневмония, а трое умерли.

Эпидемия достигла своего апогея во вторник, 23 апреля, когда было госпитализировано восемь новых больных, еще шестнадцать – на следующий день, 24 апреля. В эти два дня около половины заключенных были больны. По словам Стэнли,

записи показывают, что в то время как обычно ежедневно только от 150 до 200 человек обращаются в больницу за лечением и консультацией, в эти дни обратились 700 и 750 пациентов [22].

Вместо обычного числа от 3 до 7 освобожденных от работы по болезни, в это время их было от 25 до 62. Все эти люди, отстраненные от своих обычных обязанностей, были очень больны, у них наблюдались повышенная температура (от 37,7 до 38,3 °С), боли в спине и упадок сил. Их следовало бы отправить в больницу, но поместить их туда не было никакой возможности. Им разрешалось оставаться на открытом воздухе и нельзя было заходить в свои камеры до вечера, потому что считалось, что эта необычная болезнь может усилиться от пребывания в душных камерах в течение дня [23].

Этот шаг раскрывает один из ранних методов лечения гриппа. Хотя врачи ничего толком не понимали в отношении гриппа, по-прежнему преобладало викторианское убеждение, что свежий воздух полезен для пациентов, отсюда бесчисленные просьбы, побуждающие семьи жертв гриппа открыть окно. Стэнли был искренне удивлен количеством заболевших в Сан-Квентине, особенно потому, что он был глубоко убежден, что многие заключенные имитируют симптомы, чтобы избежать работы. В своих воспоминаниях он размышлял о своей способности «различать лицемеров, недовольных и ипохондриков» [24], хотя «талант, который я развил в себе, чтобы распознавать поддельные болезни, принес мне изрядную долю ненависти... Меня изображали медицинским садистом, злорадующим над жертвами пыток» [25]. Что же

касается Стэнли, то это была цена, которую он заплатил за то, чтобы быть строгим, но справедливым тюремным врачом [26].

Но на этот раз люди в Сан-Квентине были по-настоящему больны. Хотя многие заключенные, очевидно нездоровые, продолжали работу, больных было так много, что «на мельнице, в портняжной мастерской, на мебельной фабрике и в литейном цехе было почти невозможно продолжать работу, и губернатор посчитал тюрьму полностью закрытой» [27].

В статье Стэнли показано, как быстро начался грипп. «Погода в это время была теплая и приятная, было очень солнечно, и людям, которые чувствовали себя плохо, разрешалось покидать мельницу на некоторое время, чтобы выйти наружу. Многие чувствовали себя слишком плохо, чтобы вернуться к работе и ложились на солнце прямо на землю» [28].

Эпидемия в Сан-Квентине постепенно утихла, но, оглядываясь назад, Стэнли считал, что более 500 заключенных были больны. Заметив, что «болезнь достигла своего пика во вторник и среду второй и третьей недели» [29], врач выдвинул объяснение. Каждое воскресное утро заключенным разрешалось посещать «киносеанс». Было два показа – в восемь и десять часов.

Помещение, в котором проходили показы, было полуподвальным, плохо проветриваемым, искусственно освещенным и всегда «чрезвычайно переполненным» [30]. Почти все 1900 заключенных Сан-Квентина присутствовали на демонстрации фильма, и еще до наступления утра комната была «влажной, теплой и наполненной дымом и человеческими запахами» [31]. Был установлен 31 вентилятор, но они не были эффективными, и не было времени, чтобы проветрить комнату между сеансами. Одна группа заключенных входила в комнату, как только другая покинула ее. Некоторые заключенные оставались на оба показа.

Были ли эти киносеансы началом эпидемии в Сан-Квентине? Стэнли, похоже, так и думал.

Предполагая, что эта респираторная инфекция атаковала своих жертв на шоу в воскресенье. Казалось, что инкубационный период составлял от 36 до 60 часов, после него началась внезапная болезнь в следующий вторник или среду. Типичная история многих пациентов состоит в том, что в воскресенье они посещали шоу, а во вторник или в начале среды у них появлялась головная боль, лихорадка, озноб, боль в костях, сильная слабость и иногда тошнота. Вполне вероятно, что эпидемия началась в этой тюрьме с вновь прибывшего заключенного из Лос-Анджелеса, так как он был первым заболевшим, а другие заболели вскоре после его приезда [32].

Врач признал, что заключенный А тесно связан с другими мужчинами и, вероятно, мог передать болезнь воздушно-капельным путем. Стэнли был также одним из первых врачей, заметивших характерные признаки этого специфического штамма вируса гриппа, включая «одышку [затрудненное дыхание], цианоз [синий цвет из-за низкого содержания кислорода в крови] и часто выходящую из легких кровянистую мокроту» [33]. Он также отметил еще один аспект болезни, который до сих пор не был зарегистрирован: повторное заболевание, во время которого пациенты, казалось бы, выздоравливали, но только до рецидива и повторной госпитализации. «Во время этой эпидемии у 9 процентов больных через два-три дня исчезали все симптомы, и они выписывались из больницы, но примерно через 10 дней возвращались с рецидивом» [34].

Как выяснилось позже, этот новый штамм вируса гриппа был неразборчивым и поражал всех независимо от расы и вероисповедания. Среди жертв болезни в Сан-Квентине были: 73 процента белых мужчин, 18 процентов мексиканцев, 6 процентов афроамериканцев и 3 процента китайцев. Некоторые больные, пораженные гриппом, были настолько ослаблены, что, по словам Стэнли, у них развился туберкулез, от которого один умер.

Гипотеза врача о том, что заключенный А распространял грипп среди других арестантов, кажется убедительной. Но она также поднимает вопросы об обращении с заключенным А с момента его прибытия. Если, как утверждал Стэнли, заключенный А уже болел обычным гриппом, его следовало поместить на карантин, чтобы остановить распространение заболевания. Вместо этого ему разрешили свободно общаться с другими арестантами и даже присутствовать на показе полнометражного фильма в плохо проветриваемом помещении. Была ли это небрежность, или тут действовал какой-то другой фактор?

В своем исследовании деятельности доктора Лео Стэнли историк Итан Блу ясно показывает, что медик не был обычным тюремным врачом. Доктор Лео Стэнли был евгеником¹³, который впоследствии прославился серией странных медицинских исследований, проведенных над заключенными Сан-Квентина. Они включали медицинские эксперименты сомнительной этики, в том числе попытки лечить пожилых, почти «безжизненных мужчин» путем замены их яичек трансплантатами от скота и недавно казненных осужденных. «Эта практика была известна как омоложение, идея состояла в том, что стареющему мужчине можно восстановить уровень тестостерона с помощью трансплантации яичек более молодого мужчины» [35]. Стэнли начал эксперименты по омоложению уже в 1918 году, через пять лет после того, как занял пост в Сан-Квентине. Но он был озабочен не только восстановлением мужественности слабеющих пожилых мужчин. Руководствуясь своими евгеническими убеждениями, доктор Стэнли хотел исправить то, что он считал «бедственным положением белой маскулинности в стране, все более превращающейся в плавильный котел рас и этнических групп» [36]. Он поощрял белых мужчин к размножению, а так называемых «нежелательных лиц» – к стерилизации.

Учитывая склонность врача к экспериментам, не исключено, что он специально позволил заключенному А из окружной тюрьмы Лос-Анджелеса общаться с арестантами Сан-Квентина. Тюрьма давала прекрасную возможность умному врачу наблюдать за развитием болезни в лабораторных условиях. Наблюдения доктора Стэнли за распространением гриппа по всему Сан-Квентину остаются важным информационным источником. То, что он намеренно изменил условия, чтобы провести медицинский эксперимент, – всего лишь предположение, но результаты остаются убедительным фактом. Стэнли определенно получил больше, чем рассчитывал, с этим вирулентным штаммом вируса гриппа.

Тем временем в мире за пределами Сан-Квентина новый смертоносный штамм вируса гриппа начал тихо и незаметно брать свое. В Соединенных Штатах болезнь оставалась под наблюдением, вспыхивая то тут, то там с внезапными трагическими последствиями, а затем снова исчезая. Если не считать тщательного ведения военных записей и дневников странного доктора Стэнли, о полной картине происходившего с гриппом судить было трудно.

К началу лета 1918 года первая волна гриппа, казалось, отступила.

В Европе все было по-другому. Грипп оказывал катастрофическое действие на военные успехи, негативно влияя на обе стороны. История одного молодого американца дает нам некоторое представление об условиях распространения гриппа и показывает, каково было человеку из сравнительно безопасного убежища на материке столкнуться со страданиями в Старом Свете.

В Читтаделле (Италия) в армейском госпитале младший лейтенант Джузеппе Агостони ухаживал за 25-летним солдатом. Агостони, итало-американец во втором поколении, бесстрастно наблюдал, как грипп опустошает его полк. Он и его товарищи никогда не видели ничего подобного. Люди кашляли кровью и задыхались из-за гноя в легких. Их лица посинели, а затрудненное дыхание приводило к звукам, похожим на утиное кряканье. Пытаясь сделать хоть

¹³ Евгеника (от др.-греч. *Ευγενής* – хорошего рода, благородный) – учение о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств.

что-нибудь, Агостони вытащил шприц и попытался откачать кровь из руки солдата, рассудив, что если он сделает кровопускание, то это облегчит застойные явления. Но вместо этого кровь свернулась после 10 кубиков: она стала черной и липкой, вязкой как смола [37]. Он не знал этого, но пока Агостони безнадежно смотрел на своего умирающего пациента, подобные сцены разыгрывались по всей Европе. Он не был одинок, лейтенант был всего лишь одним человеком в жестокой борьбе с невидимым врагом: смертью и ее зловещим посланником – смертельной болезнью без названия.

Глава четвертая

Невидимый враг

Весной 1918 года немецкая армия начала массированное наступление на Францию, и обе стороны подверглись нападению со стороны нового смертельного штамма вируса гриппа. В то время союзники и немцы не осознавали этого, но они имели дело с более могущественным врагом, чем любая человеческая армия.

Немецкая армия начала наступление на Францию с убеждением, что она выиграет Великую войну. Когда Россия вышла из войны, немцы смогли перебросить более миллиона опытных солдат и 3000 орудий на Западный фронт, где у Германии было численное превосходство. Тридцать семь пехотных дивизий были размещены на Западном фронте, еще тридцать – в резерве. На нескольких направлениях британские и французские войска превосходили немецкие в соотношении четыре к одному [1].

В то время как положение французов было отчаянным, британская армия понесла серьезные потери в битве при Пашендейле. Немцы, зная, что союзники истощены, понимали, что их главная надежда на успех заключалась в том, чтобы начать наступление раньше, чем придут американские войска [2].

Поначалу казалось, что немцы побеждают, завоевав за четыре месяца более 3235 квадратных километров французской земли. К маю 1918 года немецкая армия достигла реки Марны, и ее тяжелая артиллерия находилась в пределах досягаемости Парижа. В результате более миллиона человек бежали из французской столицы [3].

Но в то время, когда немцы атаковали, по Франции с рядами экспедиционных сил союзников крался невидимый враг. А врачи и патологоанатомы сообщали о лихорадке, широко распространенной в Руане и Вимре в «злополучном Ипрском выступе¹⁴, где, казалось, процветали болезни всех видов» [4]. Такое развитие событий, очевидно, вызвало беспокойство, поскольку британские и вновь прибывшие американские войска на Западном фронте готовились к крупному наступлению немцев.

Хотя другие болезни военного времени, такие как брюшной тиф, успешно сдерживались, и британская армия была в относительно хорошей физической форме, несмотря на четыре года войны, вспышки гриппа были регулярным явлением. Но в этом было что-то особенное.

Множество статей в медицинских журналах свидетельствует о внезапном начале этой эпидемии и о том, чем она отличается от обычного гриппа. Врачи были заинтригованы и встревожены таким развитием событий, болезнь невозможно было вписать в традиционную классификацию как «грипп» или «траншейная лихорадка». В этом новом заболевании явно было что-то необычное. Хотя Хэммонд и Роллан предложили свою теорию «гнойного бронхита» для болезни, которую они наблюдали в Этапле, были значительные разногласия относительно этиологии (причины и условия возникновения болезни) этого нового заболевания.

В то время как британские экспедиционные силы умирали от загадочной болезни, в марте 1918 года появились сообщения о том, что грипп поразил американские союзные экспедиционные силы (АЕФ), пересекшие Атлантику, чтобы воевать во Франции. В марте 84 000 американских рядовых отправились в Европу, не подозревая, что грипп путешествовал с ними на военных кораблях. 15-я кавалерийская дивизия США была поражена эпидемией пневмонии во время путешествия в Европу. Было зафиксировано 36 случаев заболевания, 6 человек умерли.

¹⁴ Ипрский выступ – местность в окрестностях бельгийского города Ипр, известная тяжелейшими сражениями Первой мировой войны.

Рядовой Гарри Прессли, переживший эпидемию гриппа в Кэмп-Диксе, был среди тех, кто находился на борту. Его приятель Сид Аллен, который, несмотря на очевидную болезнь, вынужден был продолжать работу в лагере, умер через два дня после отплытия. Рядовой Прессли так и не узнал, был его друг похоронен в море или во Франции [5].

К концу марта, когда смертоносный грипп продолжал свое безжалостное продвижение, одна из самых неприятных его черт – острый цианоз – стала обычным явлением. Первого апреля 1918 года американская медсестра Ширли Миллард записала в своем дневнике: «Тут полно случаев гриппа. Я думала, что грипп – это сильная простуда, но это гораздо хуже. У этих людей высокая температура, настолько высокая, что мы не можем поверить, что это правда, и часто измеряем ее снова, чтобы убедиться... Когда пациенты умирают, а это случается примерно с половиной из них, их трупы становятся жутко темно-серыми, их сразу же выносят и кремируют» [6].

Несмотря на это тревожное развитие событий, союзники радовались прибытию американского подкрепления. Тринадцатого апреля 1918 года Вера Бриттен наблюдала, как войска прибыли в Этапль, и медсестры закричали: «Смотрите! Смотрите! А вот и американцы!» [7]

Я двинулась вперед вместе с другими медсестрами, чтобы посмотреть, как Соединенные Штаты фактически вступают в войну, такие богоподобные, такие великолепные, такие изумительно живые по сравнению с усталыми, нервными солдатами британской армии. Вот они, наконец, наши избавители, марширующие по дороге в Камье под весенним солнцем. Думаю, их были сотни, и в бесстрашном величии своей гордой силы они казались грозным бастионом и защитой от опасности, нависшей над Амьеном [8].

Трагическая правда заключалась в том, что, хотя во Франции уже были вспышки гриппа, новобранцы невольно принесли с собой из дома другой, более опасный вариант болезни. Пятнадцатого апреля в лагере близ Бордо, одного из главных портов высадки американских войск, появились первые случаи эпидемического гриппа в экспедиционных силах [9]. Эти красивые, здоровые деревенские парни должны были заплатить дорогую цену за вступление Америки в войну. По словам эпидемиолога доктора Воана, «жители городов приобретают некоторый иммунитет к респираторным заболеваниям, потому что живут в атмосфере, когда часто или постоянно переносят эти инфекции. Деревенские жители более подвержены респираторным заболеваниям» [10].

Грипп убивал этих молодых людей тысячами. Действительно, к концу войны от испанского гриппа умерло больше американцев, чем во время боевых действий. Когда Вера Бриттен и ее товарищи с таким энтузиазмом приветствовали новоиспеченных солдат, они и не подозревали, что многие из этих молодых людей обречены.

Полковник медицинской службы британской армии Альфред Солтау отметил, что первые вспышки болезни «произошли в знаменитом Ипрском выступе, районе, где, казалось, процветали все возможные болезни» [11]. Поначалу он отнесся к такому развитию событий безразлично: грипп всегда был постоянной чертой армейских больничных листов [12]. Когда эпидемия распространилась, полковник все еще не видел причин для беспокойства, но вместо этого нашел название для этого недуга, назвав его «трехдневная лихорадка: три дня инкубации, три дня лихорадки и три дня выздоровление» [13]. Несмотря на огромное количество пациентов, он пришел к выводу, что эта болезнь дает «очень мало поводов для беспокойства» [14].

К концу мая первая волна инфекции утихла, но в начале июня она резко возобновилась, быстро увеличиваясь в количестве и достигла своего пика на третьей неделе.

Что же касается полковника Солтау, то самым тревожным аспектом эпидемии было то, что по мере увеличения ее масштабов она становилась все более опасной. В то время как первые пациенты быстро выздоравливали и редко имели осложнения, у последующих увели-

чивалось число респираторных осложнений. В июне было подсчитано, что у больных, поступивших в специальные центры по борьбе с гриппом, серьезные поражения легких развились примерно у 2 процентов госпитализированных, причем значительная их часть умерла. Особенно это касалось пациентов, страдающих от «любого застарелого поражения почек. В таких случаях быстрое нарастание почечной недостаточности и глубокая ток-синемия почти неизменно приводили к летальному исходу» [15].

Будучи солдатом, полковник Солтау прекрасно понимал, что эпидемия весны 1918 года имела серьезные военные последствия. Целые части были выведены из строя; одна армейская артиллерийская бригада потеряла в одно время две трети своего состава и в течение трех недель не могла вступить в бой, хотя в ней крайне нуждались. С военной точки зрения смертоносный грипп оказался для союзников неприятностью, обернувшейся благом. Поскольку немецкая армия сильно пострадала, разведка союзников узнала, что, по словам полковника, «это был один из факторов, который вызвал отсрочку некоего предполагаемого нападения стратегической важности» [16].

Полковник Солтау был одним из первых, кто предположил, что перемещение войск и их подготовка ответственны за распространение эпидемии. Он цитировал майора Цинссера из американского медицинского корпуса, который утверждал, что «в военном формировании может развиваться коллективный иммунитет к определенным возбудителям. Но распад и перераспределение такого формирования может привести к эпидемиям, поскольку такие люди вступают в контакт с другими штаммами возбудителей или с возбудителями, с которыми они раньше не встречались, и поэтому не защищены от них» [17].

К маю грипп широко распространился среди французских войск, и военные власти призывали сообщать обо всех вспышках болезни по телеграфу. В то время как первая волна гриппа, казалось, отступала в Соединенных Штатах, она резко ворвалась в Европу.

Девятого мая 26-я дивизия американской армии подверглась сильной газовой атаке в разгар эпидемии «трехдневной лихорадки» [18]. В середине месяца она поразила 42-ю дивизию, заполнив госпитали до предела. В то время как большинство солдат отмахивались от этой болезни, у некоторых развилась вторичная пневмония «самого опасного и смертельного типа» [19]. Новый грипп оказался поразительно заразным, причем 90 процентов личного состава 168-го пехотного полка и моряков ВМС США в Дюнкерке были поражены в большей или меньшей степени [20].

К маю грипп без особых усилий пересек «нейтральную зону», чтобы нанести удар по немецкой армии. Известная немцам как «блицкатар», болезнь поразила 139 000 человек в июне и достигла своего пика в начале июля. Продолжавшаяся в среднем от четырех до шести дней, она ослабила войска и довела немецкую армию до состояния, близкого к истощению [21]. В конце июня командующий Эрих фон Людендорф отмечал, что более 2000 человек в каждой дивизии страдают от гриппа, что система снабжения разрушается и что войска голодают. Поскольку немецкое верховное командование изо всех сил пыталось заменить более 900 000 убитых, грипп выводил из строя все большее число немецких солдат. К концу июля Людендорф обвинял грипп в том, что он остановил немецкое наступление.

«Наша армия пострадала. Грипп свирепствовал, – писал фон Людендорф в своих мемуарах. – Это было тяжелое дело – каждое утро выслушивать рассказ начальника штаба о случаях гриппа и его жалобах на неспособность войск отразить атаку, если англичане снова нападут» [22]. Грипп поставил всепобеждающую немецкую армию на колени, в то время как союзники, тоже пораженные, воспользовались слабостью противника, чтобы перегруппироваться.

К концу июня 1918 года лондонская The Times сообщила об успешном наступлении британских войск в лесу Ньеппе, в ходе которого было взято более 300 пленных, что обеспечило

«подтверждение слухов о распространенности гриппа в немецкой армии. В течение некоторого времени поступали сообщения о том, что болезнь была достаточно серьезной, чтобы стать одной из причин, по которой немцы так медленно продвигались в наступление, а дивизии, предназначенные для атаки, были настолько ослаблены, что не могли сражаться... Говорят, что болезнь широко распространена во всех подразделениях армии» [23].

Первая волна гриппа также оказала значительное влияние на Королевский флот: в апреле в Шотландии произошли вспышки гриппа в Гранд-Флите ВМС в Скапа-Флоу, на Оркнейских островах и в Розите в заливе Ферт-оф-Форт [24]. По словам хирурга лейтенант-коммандера Дадли, грипп впервые появился в Скапа-Флоу, штабе британского флота, в период с мая по июнь 1918 года. На госпитальном судне «Агадир» на этой стадии регистрировали лишь несколько легких случаев заболевания среди собственной корабельной роты, а Гранд-Флит сообщил, что, по оценкам, было поражено около 10 процентов людей. По словам хирурга Раймонда, источник инфекции в мае был прослежен до возвращения на корабль кочегаров, которые были наняты на легкий крейсер для обслуживания топливных котлов мазутом [25]. В результате к 1 июля 1918 года адмирал флота сэр Росслин Уэмисс говорил секретарю кабинета министров сэру Морису Хэнки, что «грипп широко распространен в Военно-морском флоте [в результате чего] многие эсминцы не смогли выйти в море, так что потеря нескольких торговых судов напрямую связана с этим вопросом» [26].

В конце мая из Валенсии (Испания) начали поступать сообщения о «кратковременной и напоминающей грипп болезни неопределенной природы... которая характеризуется высокой температурой» [27]. Весенняя эпидемия гриппа проникла через Альпы в Италию и продемонстрировала свою беспристрастность, появившись в нейтральной Испании. Когда в Мадриде сообщили о «странной форме болезни эпидемического характера» [28], город отреагировал закрытием театров и остановкой движения трамваев. Цены на лимоны, традиционное лекарство, взлетели до небес, но вспышка не считалась серьезной, и мадридская ежедневная газета El Liberal сообщила своим читателям 30 мая 1918 года, что нет никаких оснований для тревоги [29].

Даже когда король Альфонсо XIII после мессы в дворцовой часовне занемог и заболели министры правительства Мигель Вильянуэва, Сантьяго Альба и Эдуардо Дато, паники сразу не последовало. Поэт Хуан Перес Зуньига насмеялся над вспышкой, называя ее модной болезнью.

*Нет лучшего лекарства, господа, чем немного поговорить
Об этой болезни, чьи тяготы свели с ума весь Мадрид [30].*

Журналист Мариано де Кавиа был столь же пренебрежителен: «Что такого особенного в этой глупой болезни, которую можно побороть с помощью трехдневного постельного режима и домашней аптечки?» [31]

Король Альфонсо выздоровел, и таинственная новая болезнь была увековечена как «испанский грипп», изображенный карикатуристами во всем мире как омерзительная «испанка», кошмарная леди, ухмыляющийся череп, танцующий на первых страницах газет в черном платье для фламенко.

Благодаря нейтралитету Испании воюющие стороны свободно сообщали о развитии так называемого испанского гриппа, и врачи могли обсуждать его в медицинских журналах. Эта выдержка из The British Medical Journal дает представление о том, какие вопросы задавали себе медики по поводу эпидемии в Испании.

Широко распространенная эпидемия острого катарального¹⁵ заболевания в Испании, которая, как было заявлено в нашем последнем номере, скорее всего, была гриппом и сопровождалась незначительной смертностью или вообще не вызывала летальных исходов, теперь, как сообщается, вызвала 700 смертей за десять дней. Но если число случаев было так велико, как сообщалось, то смертность от этого заболевания должна была быть очень низкой. The Times от 3 июня процитировала доктора Питталугу о том, что болезнь поражает дыхательную систему, а не брюшную полость, что рецидивы часто происходят в течение нескольких дней и что, хотя болезнь явно носит характер гриппа, бактериологическое исследование не привело к обнаружению гриппозной палочки, но выявило микроорганизм, описанный как параменингококк. Хорошо известно, что Bacillus influenzae довольно часто отсутствует в случаях, клинически характерных для гриппа, и что Micrococcus catarrhalis, который имеет некоторое поверхностное сходство с Parameningococcus, встречается очень часто. Хотя, как показали недавние доклады комитета медицинских исследований, эпидемия менингококка может достигать очень высокой распространенности среди контактирующих, мы не знаем ни о какой предыдущей вспышке цереброспинальной лихорадки, в любой степени сравнимой по масштабам с эпидемией в Испании. Прежде чем прийти к какому-либо заключению, очевидно, что следует ожидать дополнительной бактериологической информации [32].

Доктор Густаво Питталуга, заведующий кафедрой паразитологии и тропической патологии Мадридского университета, был одним из первых врачей, кто считал, что новая болезнь – это вовсе не грипп. «Эпидемия, от которой мы страдаем, отличается от гриппа по следующим фундаментальным причинам: а) потому, что набор симптомов гораздо более однороден, б) из-за почти постоянного отсутствия бактериальных форм, идентифицируемых с палочкой Пфайффера, патогеном, вызывающим грипп» [33]. Комментарии Питталуги и ответы его «самого яростного противника», Грегорио Мараньона, который был убежден, что они имеют дело с гриппом, стали первыми залпами в медицинской полемике, которая бушевала дольше, чем сама эпидемия.

Поначалу многие испанские журналисты считали последствия эпидемии гриппа незначительными, в то время как другие были более осторожны. Антонио Зозайя, написавший статью в той же газете два дня спустя, напомнил своим читателям, что жизнь ежедневно подвергается большей опасности, чем от вспышки гриппа. Ссылаясь на опасность автомобильных и железных дорог общего пользования и даже самоубийств, он тем не менее признал, что эпидемия была серьезной, и призвал своих читателей придерживаться стоического подхода: «Эпидемия началась. Это неприятное обстоятельство. Мы из-за этого не стали более подавленными или беспомощными в этой беспощадной ситуации. Будем стараться жить благоразумно, поступать так, как поступают хорошие люди, и страдать достойно» [34].

Тем временем в Испании разыгрывались мрачные сцены, которые в ближайшие месяцы станут привычными для всего мира.

Участники похоронной процессии, шедшей по центральной улице, увидели, как кучер кареты упал замертво, словно пораженный молнией, и один из плакальчиков упал на землю, тоже внезапно умерев. Паника охватила остальных участников процессии, и они бросились врассыпную, оставив карету брошенной. Скорая помощь должна была приехать за мертвыми, а муниципальный охранник привязал веревку к уздечке лошади и, пройдя вперед метров двенадцать, потащил карету к кладбищу [35].

¹⁵ Катарально-респираторный синдром – в его основе лежит воспаление (катар) слизистых оболочек дыхательных путей.

Глава пятая

Смертельное лето

«Испанка» уже навестила Скапа-Флоу в мае 1918 года. Позже в том же месяце она проникла на шотландские верфи, став причиной трех смертей на кораблях, пришвартованных в гавани Глазго. Жители трущоб Гован и Горбалс в Глазго быстро стали жертвой восьминедельной эпидемии гриппа. И 17 июля The Glasgow Herald сообщила о тринадцати смертях от гриппа и двадцати шести – от пневмонии. Через неделю число жертв сильно возросло: четырнадцать умерли от гриппа и сорок девять – от пневмонии [1].

В то время как испанский грипп распространялся на юг из Шотландии, возвращающиеся домой военнослужащие несли болезнь в родные края. Грипп поразил Портсмут и другие порты Ла-Манша и был перенесен в Лондон, Бирмингем и северные города – Лидс, Манчестер и Ливерпуль, а также на запад к Бристолу и Кардиффу. В июле 1918 года почти 1000 из 3000 немецких военнопленных, интернированных в лагере Брэмли в Гэмпшире, были объявлены больными [2], и их пришлось доставить в близлежащие гражданские больницы.

Одной из знаменитых жертв начала «испанки» в Великобритании стала миссис Роуз Селфридж (1860–1918), уроженка Чикаго, жена Гарри Гордона Селфриджа, основателя одноименного универмага на Оксфорд-стрит в Лондоне. Когда семья переехала в Хайклифф-Касл, Дорсет, в 1916 году, эта энергичная, активная женщина вступила в Красный Крест вместе с двумя старшими дочерьми. После службы медсестрой в соседнем Госпитале Крайстчерча Роуз открыла госпиталь для выздоравливающих американских солдат в Хайклифф-Касле после вступления Соединенных Штатов в войну. По словам Хейдена Черча, американского репортера, который посетил Роуз в Хайклиффе, она была очень увлечена своей больницей. «Рождественским подарком этого американского бизнесмена жене был прекрасно оборудованный госпиталь для выздоравливающих» [3], – писал Черч.

Бывший крикетный павильон с соломенной крышей, которому, должно быть, больше ста лет, превратили в кабинет коменданта, а также в кухню и веселую столовую, где выздоравливающие сэмми обедали. Тут есть 12 палаток, в которых они живут, в каждой из них помещается по два человека. Открытая сторона каждой из них защищена от непогоды толстым резиновым занавесом, установленным на оси таким образом, что он всегда обращен к солнцу. Затем есть палатка для отдыха, снабженная граммофоном, играми, книгами, картами, письменными принадлежностями и другими вещами, чтобы мужчинам, которые ею пользуются, было удобно. Наконец, есть еще одно здание, известное как «медицинская палата», в котором находятся помещения для американского сержанта, отвечающего за дисциплину в лагере, а также бельевая и мужской туалет [4].

К несчастью, Роуз Селфридж сама заразилась гриппом, выполняя обязанности медсестры и заболела пневмонией. Она умерла 12 мая 1918 года и была похоронена на кладбище церкви Святого Марка в Хайклиффе, недалеко от имения [5]. Вдовец Роуз, Гарри Селфридж, в ее честь продолжал работу в лагере для выздоравливающих.

В то время как испанский грипп проникал в Британию сразу через несколько точек, северная часть поначалу пострадала сильнее всего, особенно промышленные города [6]. Безмолвная угроза прошла незамеченной через магазины, предприятия, общественный транспорт и передавалась от человека к человеку, прежде чем постепенно распространилась в сельских общинах. В Ньюкасле количество рабочих с каждым часом становилось все меньше, так как до 70 процентов работающих мужчин заболевали, в то время и в Дареме также наблюдалась

вспышка болезни. Во времена нехватки угля, когда британцев призывали сжигать как можно меньше топлива, чтобы сохранить запасы для военных действий, шахтеры оказались атакованными вторичными респираторными инфекциями. По данным The Times, шахтеры были особенно подвержены гриппу, в то время ноттингемширская пресса сообщала, что «в Нортамберленде и Дареме быстрое распространение болезни серьезно влияет на работу угольных шахт, на некоторых отсутствует до 70 процентов сотрудников» [7]. «В Ноттингемшире несколько служащих с угольных шахт Дигби... пришлось отвезти домой из-за этой болезни» [8]. Ноттингемширские угольные шахты оказались в страшном положении, за один день 250 человек с шахты Мэнсфилда умерли от инфекции.

Двадцать второго июня 1918 года газета The Times сообщила, что в Бирмингеме появился грипп, подобный тому, который наблюдался в Испании, что привело к критической нехватке рабочей силы на военных и металлургических заводах. «Бирмингем был первым провинциальным городом, где происходил внезапный и устойчивый рост смертности от гриппа, причем примерно такая же картина наблюдалась в соседних городах – Вулвергемптоне и Ковентри» [9]. Две недели спустя грипп появился в Южном Уэльсе: The Times сообщила, что на монмутширских угольных шахтах зафиксированы сотни случаев гриппа [10].

В Ланкашире штат одной из текстильных фабрик, на которой работало 400 рабочих, сократился до 100 человек, поскольку три четверти работников заболели [11]. В Шеффилде газета The Yorkshire Telegraph сообщала, что 15 процентов работников заболели на одной фабрике, а для лечения использовался хинин. Когда число погибших возросло, заместитель городского секретаря Шеффилда вызвал могильщиков. «Люди лежат мертвые в своих домах семь дней, а иногда и девять. Положение действительно очень серьезное» [12]. Опасаясь, что болезнь вызвана солдатами, вернувшимися домой в отпуск, совет Шеффилда запретил военнослужащим посещать кинотеатры и другие развлекательные заведения.

Грипп поразил Восточный Мидленд в конце июня, вызвав хаос на фабриках и угольных шахтах. Местная пресса сообщала, что эта инфекция распространена в Дерби и затрагивает сферы производства и образования, хотя считалось, что это лишь легкая форма заболевания. В начале июля The Leicester Mercury информировала, что в городе уже зарегистрировано «значительное число случаев нового гриппа» и даже один человек погиб – девятнадцатилетняя девушка [13]. На следующий день та же газета сообщила, что «эпидемия гриппа достигла Северного Ноттингемшира, где зарегистрировано много сотен случаев заболевания» [14]. В The Loughborough Herald была опубликована похожая история, но также указывалось, что, по видимому, нет причин для сильного беспокойства: «Есть и другие сообщения о распространении гриппа во многих частях Соединенного Королевства, и особенно в больших городах... Произошло несколько смертельных случаев, но это мнение медицинских работников здравоохранения. что эпидемия, хотя и столь широко распространенная, по большей части носит мягкий характер» [15].

Но к 11 июля настроение The Loughborough Herald омрачилось сообщениями о нескольких смертях от гриппа в деревне Барроу-апон-Соар, три летальных исхода произошли в одной семье [16]. В 48 км на север, в Ноттингеме, The Nottingham Journal писала: «Эпидемия в Мидлендсе и на севере продолжает быть более серьезной, чем где-либо еще. <...> Хотя нельзя сказать, что болезнь присутствует в Ноттингеме в тяжелой эпидемической форме, тем не менее случаев довольно много» [17]. По мере того как в течение июля по всей стране продолжали поступать сообщения о пандемии гриппа, стало ясно, что ситуация гораздо хуже, чем первоначально предполагалось. Известия о смертях и тяжелых случаях начали заполнять газеты. В статье под заголовком на первой полосе «Эпидемия гриппа: распространение его разрушительных последствий на местном уровне» The Nottingham Journal and Express объявила, что эпидемия распространяется по Ноттингемширу и Дербиширу, а также рассказала о смертях в Дерби и Линкольне, закрытии школ, задержках в выполнении важных работ и людях, падаю-

щих замертво на улице [18]. В лестерской прессе сообщение о смерти женщины показало, как быстро болезнь может настигнуть жертву: «Женщина остановила на улице врача и сообщила, что она болеет гриппом, и прямо во время разговора с ним она рухнула на землю и умерла почти сразу» [19].

«Испанка» проникла в Салфорд, район Манчестера, в конце июня. The Salford Reporter 25 июня 1918 года сообщала, что «эпидемия гриппа достигла Салфорда, и если она не относится к старой разновидности, которая заставляет чихать, то она очень сильна. Сотни случаев заболевания были выявлены в этом районе в течение недели, и врачи чрезвычайно загружены» [20]. Газета проинструктировала своих читателей поддерживать постельный режим, как только у них проявляются симптомы, и включила в статью интервью с врачом, который прокомментировал ситуацию: «Если вы встанете и попытаетесь перенести болезнь на ногах, вам станет намного хуже» [21].

В Манчестере находчивый главный санитарный врач доктор Джеймс Нивен взялся за борьбу с эпидемией гриппа, руководствуясь клиническим опытом и общедоступной информацией. Нивен и раньше сталкивался с эпидемией гриппа. В 1890 году он работал в Олдеме, когда город поразила вспышка русского гриппа. Быстрая реакция Нивена, приказавшего изолировать больных и очистить зараженные помещения, несомненно, спасла много жизней. И, когда «русский грипп» вернулся в Олдем в 1891 и 1892 годах, город справился лучше, чем его соседи. В июне 1918 года Нивен ответил той же тактикой, напечатав 35 000 листовок и распространив их среди местных фабрик и предприятий с информацией и инструкциями на чистом и понятном английском языке. Врач также рекомендовал, чтобы все инфицированные лица были помещены в карантин на три недели до возвращения на работу, чтобы предотвратить дальнейшее распространение гриппа. Восемнадцатого июля 1918 года манчестерский комитет по образованию согласился закрыть все школы по рекомендации Нивена после шокирующего известия о том, что дети умирали прямо за партами, «как растения, чьи корни были отравлены. Приступы были довольно внезапными, а сонливость – заметным симптомом» [22].

Рекомендации главного врача в Манчестере Нивена ввести карантин в школах, на фабриках и предприятиях помогли предотвратить распространение эпидемии.

Нет сомнений, что подход Нивена спас много жизней. В течение весны и начала лета 100 000 жителей города заболели гриппом, но умерли только 322 человека, что является «относительно низким уровнем смертности» [23], что можно считать свидетельством организаторских способностей врача. Хотя Нивен прекрасно ответил на этот вызов, он понял, что имеет дело с чем-то другим: в этой новой вспышке было две аномалии. Эта форма гриппа нацелена на наиболее приспособленных и здоровых представителей рабочей силы или общества, а не на очень старых, очень молодых и уязвимых, как это было обычно. Другая аномалия состояла в том, что вспышка началась летом, а не в традиционный зимний сезон гриппа [24]. Нивен мог только надеяться, что у тех людей, которые заразились и выжили, выработался иммунитет, который поможет, если грипп вернется.

В Лондоне боевой дух был на высоте. Общественное настроение подняли последние события войны, когда с Западного фронта поступили сообщения о том, что союзники одержали победу. После четырех долгих лет нехватки еды, нормирования продовольствия, налетов дирижаблей и тяжелых утрат конец был близок. Газета The Manchester Guardian сообщила, что «за эти два дня хороших новостей в Лондоне поднялось настроение. Хотя некоторое время не будет ни флагов, ни колоколов, все же выражение лиц людей заменяет эти атрибуты победы» [25].

В это волнующее время несезонная вспышка гриппа казалась необычной, но не имела большого значения. The Illustrated London News заметила в своей научной колонке, что «к сча-

стью, проблема, которая, по сути дела, теперь повторяется ежегодно, в этом году настолько не выражена, что показывает, что первоначальный вирус ослабляется частой передачей» [26]. Тем временем The Times дала новое название этому любопытному явлению. Под заголовком «Испанский грипп – симптомы больного» газета объявила, что причиной заболевания стала «сухая, ветреная испанская весна... неприятный и болезнетворный сезон во все времена. Сырая погода или влажный ветер, вероятно, остановили бы развитие эпидемии» [27]. В той же статье с тяжеловесной попыткой пошутить утверждалось, что «обыватель, наученный войной с бьющим учителем¹⁶, стал проявлять повышенный интерес к иностранным делам, обсуждал новости об эпидемии, которая с такой удивительной быстротой распространилась по Испании несколько недель назад, и радостно ожидал ее прибытия сюда» [28].

В то время как испанский грипп свирепствовал по всей остальной стране, лондонцы купались в «почти тропической жаре» [29], и жизнь была для некоторых просто идиллией. В подзаголовке «Этот активный микроб» редактор The Evening Standard беззаботно прокомментировал, что «взгляд на календарь показывает, что жаркая погода, которая у нас была, не только не убила микроб благотворительности и дневного спектакля, но и стимулировала его к лихорадочной активности, в результате чего в течение следующих нескольких недель филантропов ждет напряженное время» [30].

В той же статье читателям были представлены красочные отчеты о том, что самые модные хористки носили на своих шоу в Вест-Энде. Веселая девушка Руби Миллер ослепительно поднялась в «алюминиево-сером платье из атласа с драпировками по бокам и разрезом спереди, чтобы показать отделанную лентой нижнюю юбку» [31] и «вечернее платье из цикламенно-лилового жоржета <...> пышный подол и пояс из серебряной ткани» [32]. А Мари Лор появилась у ресторана Globe в «своем белом суконном платье с тонкими линиями нефритово-зеленой вышивки и широким складчатым поясом, застегнутом с одной стороны тремя большими зелеными и белыми пуговицами, и с длинной прямой, отделанной зеленой подкладкой накидкой из белой ткани, с черным бархатным воротником и множеством жемчужных пуговиц поверх него» [33].

Несмотря на войну, газета The Manchester Guardian обнаружила «призрак» лондонского светского сезона в Вест-Энде наряду с «необыкновенной зеленью травы и листвой деревьев» [34]. Лавочники Вест-Энда вели себя как обычно: «рисовали и указывали»¹⁷ в сторону Гросвенор-стрит и в другие районы Мейфэра, а «Риджент-стрит, несмотря на отсутствие краски, выглядит веселой с ее летней модой» [35].

В то время выходные дни в загородных домах сократились, так как много мужчин сражается на фронте и «почти никто не развлекается, за исключением небольших вечеринок в ресторанах» [36].

Парк Сейнт-Джеймс вернулся к своим истокам как стильное увеселительное место, «своего рода возрождение XVIII века» [37]. Большие художественные выставки продолжались, как обычно, в то время как Летняя выставка в Королевской академии привлекала «большое количество посетителей, особенно выздоравливающих солдат» [38]. Даже летние танцы, эти традиционные приемы этого сезона, немного оживились, поскольку матери из высшего общества делали все возможное, чтобы выдать своих дочерей замуж, потому что круг подходящих мужчин быстро уменьшался.

Модный Лондон резко изменился в одном отношении, и это было присутствие американцев. Вступление Соединенных Штатов в войну вызвало эту серьезную трансформацию. Прибытие военных в Лондон не было чем-то новым, город уже был свидетелем «дружественных вторжений» [39] бельгийских монахинь, брюссельских денди и анзаков (австралийских и ново-

¹⁶ Отсылка к Горацию, который называл учителя Orbilius plagosus – «бьющий Орбилий».

¹⁷ В оригинале игра слов – painting and pointing – рисовали и указывали. – *Прим. пер.*

зеландских армейских корпусов) с их высокими, ленивыми, жилистыми фигурами и мрачными лицами. Но четвертый год войны был годом американцев, согласно *The Manchester Guardian*.

«Военный год заканчивается тем, что американцы в хаки и синем почти овладели Лондоном... В последний год многие сотни тысяч американцев фактически проходят через Англию, чтобы сражаться во Франции» [40]. Американские военнослужащие составляют всю аудиторию лондонского театрального квартала, где уже доминировали молодые люди в хаки и темно-синем. Несмотря на войну, лондонский Вест-Энд все еще процветал в 1918 году, с «оперой на Друри-Лейн и в Шафтсбери, и очень хорошей постановкой Гилберта и Салливана в Королевском театре, в Хаммерсмит» [41].

Пацифистка Кэролайн Плейн вспоминала, что «летом 1918 года в театрах был абсолютный ажиотаж» [42]. Отчаявшиеся отвлечься от ужасов войны, солдаты, матросы и гражданские тоже толпились в театрах и мюзик-холлах. К сожалению, такие веселые развлечения оказались идеальной питательной средой для испанского гриппа.

«В 1916 году казалось, что нет никакой надежды на успех в постановке пьес. А в 1918 году было трудно получить места даже на худшие спектакли. Почти любая постановка имела огромный успех. Говорили, что люди дерутся за то, чтобы бросить свои деньги в кассу» [43]. Аренда театральных мест предполагала большие выплаты, высокие цены на места и разговоры об их дальнейшем повышении [44]. Это не было неожиданностью, учитывая нехватку других форм развлечений.

«Это было огромное процветание почти всех классов и сокращение других возможностей для удовольствия, что привело к переполнению театров. Использование автомобилей было ограничено торговлей и профессиональными потребностями. Катков и ежегодных обедов больше не было» [45].

Друри-Лейн все еще представляла собой блестящее зрелище в некоторые вечера, с «дамами в драгоценностях на балконе и длинными вереницами ожидающих экипажей и даже одним или двумя лакеями» [46]. Среди солдат и матросов все еще было несколько стойких сторонников старого режима, и «В. Набоков [отец романиста Владимира Набокова] и русская дипломатическая партия» [47] в одной ложе смотрели «Бориса Годунова» со сценами русской Смуты – события более драматичного, чем что-либо на самой сцене [48].

Именно на этом фоне миссис Мейбл Прайд, свекровь поэта Роберта Грейвса, решила бороться с симптомами гриппа и пойти в театр со своим сыном Тони, пока он был дома в отпуске. Мы не знаем, какое шоу они посетили, но там было много развлечений. Развлечения лета 1918 года, когда Мейбл сопровождала сына в театр, включали «Непослушную жену» с Чарльзом Хоутри и Глэдис Купер в «Плейхаусе»; «Дорогого Брута» с Джорджем Дю Морье, отцом Дафны Дю Морье, в «Уиндеме»; а знаменитая канадская танцовщица Мод Аллен снималась в лондонском павильоне. Мод стала объектом диких подозрений со стороны члена парламента от тори, который обвинил ее в том, что она была лесбийской любовницей Марго Асквита, жены бывшего премьер-министра Герберта Асквита и немецкого шпиона. (Было спорно, какое из этих утверждений считается наиболее шокирующим.) Те, кто был настроен более серьезно, могли пойти посмотреть «Строителя Сольнеса» Ибсена в театре «Роял-Корт». А любой, кто отчаянно нуждался в небольшом расслаблении, мог отправиться на музыкальную комедию *Chu Chin Chow* в Театр Ее Величества или послушать популярную песню *Peg O' My Heart* в Сент-Джеймсе [49].

Очень желая отправиться в город вместе с сыном, Мейбл пошла к врачу, приняла большое количество аспирина, чтобы снизить температуру, и отправилась с Тони в театр. Это был последний выход в свет для Мейбл. Ее случай оказался смертельным, и через два дня она умерла. Роберт Грейвс позже отмечал, что «ее главным утешением, когда она умирала, было то, что Тони продлил свой отпуск из-за нее» [50]. Впоследствии Грейвс узнал, что Тони убили в сентябре [51].

Идеальной питательной средой для испанского гриппа были переполненные солдатами и матросами театры и мюзик-холлы

Смерть Мейбл была лишь одной из многих. Несмотря на приподнятое настроение местных жителей, испанский грипп распространился по всему Лондону и стал смертельно опасным для населения. Многие из жертв были молоды, богаты и здоровы, Челси и Вестминстер также потерпели поражение в борьбе с гриппом, а Бетнал-Грин обнищал [52]. Писательница Вирджиния Вулф отмечала 2 июля 1918 года, что «грипп, который свирепствует повсюду, подобрался совсем близко» [53]. В то время как сосед писательницы умер, Вулф, несмотря на то, что была инвалидом, выжила.

Другая писательница, леди Синтия Асквит, описала ужасную встречу с «испанкой».

Леди Синтия, больше всего известная своими рассказами в жанре ужасов, в возрасте тридцати одного года уже сделала литературную карьеру, работая вместе с создателями Питера Пэна Дж. М. Барри и Д. Г. Лоуренсом. И ее дневники содержат занимательные и захватывающие рассказы о жизни в Лондоне военного времени. На этот раз, однако, леди Синтия задумалась, выживет ли она: «Как раз перед завтраком появились точно такие же симптомы, как и вчера, только гораздо хуже. Температура поднялась до 38,8 градуса, и весь день и вечер я чувствовала себя так ужасно, унижительно плохо, как никогда в жизни: голова раскалывалась, пульсировала болью, болели ноги, тошнило, ужасно знобило. Я ворочалась и стонала» [54].

В то время как опыт леди Синтии Асквит свидетельствовал о склонности испанского гриппа заражать здоровых и богатых людей, эта болезнь распространялась и в других частях Лондона. Американский солдат рядовой Прессли, переживший вспышку гриппа в Кэмп-Диксе и потерявший своего друга Сиды во время путешествия во Францию, теперь находился в Лондоне. Десятого июля Прессли написал своей подруге, что «в Лондоне, как и во всем остальном восточном мире, началась эпидемия испанского гриппа. Болезнь, по-видимому, вызывает сильную лихорадку, с выраженным чувством усталости, и обычно удерживает больного в постели в течение нескольких дней» [55].

В тот же день в Уолтемстоу, на востоке Лондона, Элси Барнетт писала своему мужу в Месопотамию: «У нас случилась ужасная вспышка испанского гриппа, как его называют, но врачи склонны думать, что это малярия, принесенная солдатами. Я с благодарностью воспринимаю то, что до сих пор оставалась в ясном уме. И нас предупредили, чтобы мы носили камфару с собой, так как люди умирают от заболевания через несколько часов, если не сразу» [56].

Юная Марджери Портер, уроженка Южного Лондона, в то лето тоже заболела испанским гриппом. Она вспоминала:

«Я была единственным ребенком в семье и жила с матерью и отцом. Когда мы все заболели гриппом, нам ничего не оставалось, кроме как лечь спать, потому что мы просто не могли устоять на ногах. Ноги действительно подкосились, я не могу сильно преувеличивать это. Грипп был у всех на нашем конце улицы. По соседству жили мои бабушка с дедушкой и три тетки. «Испанка» была у всех, но мой дед был единственным, кто умер в нашей семье. Остальные выздоровели, но это заняло много времени, потому что грипп захватил все наше тело. Я не помню, чтобы у меня были симптомы простуды или я чихала. Я просто помню ужасные боли во всех моих конечностях и полное отсутствие аппетита. Думаю, что моя болезнь длилась около двух недель, пока я снова не начала ходить в школу. Мне так повезло. Это была самая страшная болезнь в моей жизни» [57].

К августу 1918 года «испанка» покинула Британию так же быстро и таинственно, как и появилась четыре месяца назад. Американский врач, писавший домой из Лондона 20 августа, отметил, что «эпидемия гриппа, описанная в последних письмах, полностью отступила» [58].

Но вспышка оставила после себя ужасное наследие. В течение трех недель в июле 1918 года 700 мирных жителей Лондона умерли от гриппа и еще 475 человек – от пневмонии [59]. В общей сложности в Великобритании с июня по июль было зарегистрировано 10 000 случаев смерти от гриппа. К ноябрю 1918 года этот показатель превысит 70 000 [60].

Глава шестая

Знай своего врага

Несмотря на проблемы летней вспышки в Великобритании, военные новости затмили сообщения об испанском гриппе. Война доминировала в гражданской жизни, половина медицинских работников страны находилась на военной службе, а больницы были предназначены для военных нужд [1]. Медицинская наука мало что могла предложить в плане профилактики или лечения, кроме дезинфекции, предупреждения и изоляции, как это рекомендовал доктор Нивен. Не было единого мнения о лечении, кроме традиционного назначения постельного режима, опиатов и народных средств, в то время как значительное количество людей отказывалось воспринимать угрозу испанского гриппа всерьез, что усугубляло ситуацию [2].

Сэр Артур Ньюхолм, главный врач местного Правительственного совета, указал, что грипп распространяется слишком быстро, чтобы его можно было остановить, и не поддается контролю: «Я не знаю ни одной меры общественного здравоохранения, которая могла бы противостоять распространению пандемического гриппа» [3]. По этой причине летом 1918 года Ньюхолм отказался выдать гражданским властям официальный меморандум от Правительственного совета. Положение дел не улучшилось из-за того, что в то время не существовало реального Министерства здравоохранения, которое могло бы курировать национальную стратегию профилактики или издавать директивы по предотвращению распространения гриппа. В 1918 году общественное здравоохранение находилось в ведении местных «санитарных властей» и местных медицинских работников здравоохранения, которых назначал

103 городской совет. Поскольку грипп не является заболеванием, подлежащим уведомлению, закон не требовал принятия карантинных мер в случае эпидемии. Правительственный совет также утверждал, что ничего нельзя сделать для предотвращения вспышек гриппа. Демонстрируя всепоглощающую озабоченность правительства войной, Ньюхолм утверждал, что долг нации – «продолжать работать», даже предполагая, что непатриотично беспокоиться о гриппе, когда речь идет об угрозе выживанию Британии. Еще одним фактором, объясняющим, почему власти, казалось бы, ничего не предпринимают перед лицом смертельной эпидемии, было отсутствие консенсуса относительно ее причины.

Однако британская армия заняла совершенно иную позицию. После того как эпидемия гриппа обрушилась на Францию весной 1918 года, армейская медицинская служба с большим энтузиазмом решила бороться с болезнью с типичными для военных логикой и энергией. Изучение проходило в Лондоне под руководством Медицинского научного комитета (впоследствии стал известен как Медицинский научный совет) и в армейских патологических лабораториях, которые уже были созданы в госпиталях на Западном фронте. Армия выделила время и ресурсы на изучение причин эпидемии гриппа и поддержку создания вакцины для прививок, которые становились все более распространенными после новаторской работы Луи Пастера в 1881 году. Научное сообщество утверждало, что можно сделать что-то конструктивное, чтобы остановить неумолимое распространение смертельной болезни, несмотря на то, что ее происхождение оставалось загадкой. Судя по тому, как армейская медицина в прошлом успешно справлялась с другими болезнями, такими как холера и дизентерия, то новый штамм вируса гриппа не должен был представлять серьезной проблемы. Были выделены ресурсы, чтобы бороться с таинственной болезнью, под общим контролем Медицинского научного комитета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.